

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Сам

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ

О РУССКИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА И НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ СЛОВОМЪ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

СОСТАВЛЕНО ПО СВОРНИКАМЪ:

Кирши Данилова, Кирѣвскаго, Рыбникова, Авенариуса и др.
Н. Бунаковымъ.

Цѣна 40 коп.

Изданіе редакціи журнала „Русскій Начальный Учитель“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА,

Уголѣ Вознесенск. пер. и Наб. Екатерин. кан. д. № 6/76.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Объяснительное слово	3
I. Старшіе богатыри	17
II. Младшіе богатыри Кіевскіе	24
III. Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси.	119
IV. Богатыри Новгородскіе.	126

Редакція «Рус. Нач. Уч.» предлагаетъ гг. учителямъ и учительницамъ начальныхъ школъ темы для работъ въ классахъ надъ былинами. При этомъ желательнo получить болѣе или менѣе обстоятельное изложеніе какъ самой работы, такъ и наблюденій учителя и учительницы о томъ, какое впечатлѣніе произведено было на учениковъ чтеніемъ, какъ ученики отнеслись къ былинамъ, какъ понимали ихъ языкъ и содержаніе.

1. Чтеніе одной изъ былинъ. Объясненіе подробностей. Изложеніе содержанія. Отчетъ учениковъ о впечатлѣніи, которое произвели на нихъ повѣстическіе образы былинны.

2. Чтеніе былинъ группами, напримѣръ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и т. п. Объясненіе подробностей. Раскрытіе связи между отдѣльными былинами. Связное изложеніе содержанія всѣхъ прочитанныхъ былинъ. Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

3. Чтеніе одной или нѣсколькихъ былинъ въ связи съ чтеніемъ статей по отечественной исторіи. Объясненіе подробностей. Изложеніе содержанія. Выдѣленіе элементовъ—историческаго, бытоваго и сказачнаго. Характеристика дѣйствующихъ лицъ. Объясненіе общаго смысла.

4. Общая бесѣда послѣ чтенія и объясненія цѣлаго ряда былинъ, въ связи съ изученіемъ историческихъ статей: содержаніе былинъ, ихъ герои, историческая, бытовая и сказочная сторона въ былинахъ, ихъ языкъ, ихъ происхожденіе и значеніе.

Лучшія изъ доставленныхъ работъ на предлагаемыя темы будутъ напечатаны въ журналѣ.

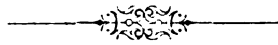
НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ

О РУССКИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА И НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ,
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ СЛОВОМЪ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

СОСТАВЛЕНО ПО СБОРНИКАМЪ:

Кирши Данилова, Кирѣвскаго, Рыбникова, Авенариуса и др.
Н. Бунаковымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА,
Уголь Вознесенск. пер. и Наб. Екатерин. кан. д. № 2/72.
1884.

27222.110

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
MINOT FUND

JUN 25 1930

Наб. Ематоряни. кал. д. № 78.
№ 2557.

Объяснительное слово.

„Былинами“ или „старинами“ называются древнія народныя русскія пѣснопѣнія о давно-минувшихъ событіяхъ народной жизни. „Былина“ или „старина“ и значитъ пѣсня о минувшемъ, о быломъ, о старинѣ.

Въ народѣ испоконъ вѣку сохранялись воспоминанія о такихъ переворотахъ, событіяхъ и лицахъ минувшаго, которыя особенно поражали его по своему благодѣтельному или губительному вліянію на жизнь,—о чрезвычайныхъ радостяхъ и страшныхъ бѣдствіяхъ, о нашествіи враждебныхъ племенъ, о раззореніи и порабощеніи, о продолжительной и тяжелой борьбѣ съ врагами, объ освобожденіи отъ вражескаго ига, о бѣдственныхъ домашнихъ раздорахъ, междоусобіяхъ, смутахъ и неурядицахъ, объ отрадномъ водвореніи порядка и спокойствія, о злодѣяхъ, возмутителяхъ и поработителяхъ, о герояхъ—защитникахъ и спасителяхъ своего народа. Первоначально лица и событія запоминалось и переходили въ народной памяти изъ поколѣнія въ поколѣніе, приблизительно въ томъ самомъ видѣ, каковы они были на самомъ дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, какими казались современникамъ, видѣвшимъ этихъ лицъ, пережившимъ эти событія. Но современемъ, переходя изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, преданія, во первыхъ, перепутывали воспоминанія народа: сливались событія и лица разныхъ временъ и совершенно различныя, не зависящія одно отъ другаго; дѣло одного лица приписывалось другому; сближались лица, которыя никогда не встрѣчались между собой на самомъ дѣлѣ; иногда перепутывалось время или мѣсто, иногда дѣйствующія лица, а то и самыя дѣйствія. Во вторыхъ, преданія, ненамѣренно, безсознательно, измѣ-

няли и образы отжившихъ людей: любимцы и благодѣтели народа обращались въ чудесныхъ героевъ правды и добра, враждебныя и ненавистныя личности—въ отвратительныхъ чудовищъ, и. т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти преданія, мало по малу, облекались въ опредѣленныя, часто въ пѣсенныя формы, и въ этой формѣ они стали сохраняться въ памяти пѣвцовъ ужь почти безъ измѣненій въ теченіе многихъ столѣтій; сохраняются и теперь. Такъ у насъ въ народѣ сложились пѣсни о быломъ, пѣсни о старинѣ, называемыя „былинами“ и „старинами“. Кто именно сочинилъ, сложилъ ту или другую былину? Этого нельзя сказать. Каждая былина складывалась постепенно, измѣнялась, дополнялась, обрабатывалась пѣвцами и слушателями, пока не приобрѣла прочной неизмѣнной формы. Выходить, что былины созданы не отдѣльными сочинителями, а народомъ; онѣ созданіе и достояніе не отдѣльныхъ лицъ, а всего народа. Потому-то и говорятъ, что былины представляютъ собой устную исторію народа, имъ самимъ созданную, и обнаруживаютъ отношеніе народа къ своему прошедшему.

Пѣвцы русскихъ былинъ существуютъ и до сихъ поръ, преимущественно въ сѣверныхъ и сибирскихъ губерніяхъ; сами себя они называютъ „сказителями.“ Замѣчательно, что между ними рѣдко попадаются грамотные; они не записываютъ былинъ, а только сохраняютъ ихъ въ своей памяти и передаютъ свое наслѣдство другимъ устно. Однимъ изъ лучшихъ „сказителей“ считается здравствующій и понинѣ старикъ—крестьянинъ Олоонецкой губерніи Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ*, перенявшій свои былины, съ ихъ напѣвами, отъ своего дяди и другаго сказителя, жившихъ въ началѣ текущаго столѣтія. Напѣвы былинъ очень просты. У каждаго пѣвца-сказителя для всѣхъ былинъ два или три напѣва, но они разнообразятся ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, повышеніемъ или пониженіемъ голоса, который звучитъ то торжественно, то протяжно и уныло, то игриво и весело. Въ старину пѣніе былинъ было обычаемъ, принадлежностью и княжескихъ пировъ, и семейныхъ праздниковъ, раздавалось въ городахъ и селеніяхъ, въ домахъ, на площадяхъ и на улицахъ. Послѣ татарскаго погрома оно призамогло и ушло на дальній сѣверъ и востокъ, гдѣ былины сохранились въ народѣ до самаго послѣдняго времени. Наконецъ, не очень давно, любители и ученые люди стали записывать ихъ и

печатать; появились въ печати богатые сборники былинъ—Кирши *Данилова*, *П. Н. Рыбникова*, *П. В. Киртеевскаго* и др. Предлагаемая книжка и есть извлеченіе изъ этихъ сборниковъ; въ ней былины, записанныя разными лицами, преимущественно въ сѣверныхъ губерніяхъ и въ Сибири, по возможности, приведены въ стройное и связанное цѣлое, но не подверглись никакимъ произвольнымъ искаженіямъ и передѣлкамъ.

Въ былинахъ повѣствуется о богатыряхъ. „*Богатырь*“—человѣкъ, одаренный необыкновенною силою и отвагою, совершающій смѣло и удачно разные подвиги, дѣянія, которыя не подь-силу людямъ обыкновеннымъ; самое слово „богатырь“, своими звуками, напоминаетъ слова: *Богъ и богатый*.

Между русскими богатырями, о которыхъ повѣствуютъ былины, различаютъ богатырей старшихъ и младшихъ. *Старшіе* богатыри относятся къ самому отдаленному времени народной жизни и очень мало походятъ на обыкновенныхъ людей. Они—олицетворенія разныхъ силъ и явленій жизни, а не люди изъ народа, не живые представители его, какъ младшіе богатыри.

Таковъ, напримѣръ, *Святогоръ*, которымъ начинается предлагаемый сборникъ. Это громадный богатырь, образъ котораго уловить невозможно: онъ „выше лѣсу стоячаго, головой подпираетъ облако ходячее“, „не съ кѣмъ ему силой помѣряться“, „а сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается“, „грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“,—такъ бы „всю землю и поднялъ“. Видна какая-то страшная сила, могучая, но не творящая, а разрушающая, бродячая и напрасно бременящая землю.

Святогоръ—бродячая, кочевая до-историческая Русь. Земля, которую Святогоръ затѣялъ поднять, овладѣваетъ этой грубой бродячей силой, такъ сказать, приковываетъ ее къ себѣ, какъ только эта сила соприкасается съ землею. Земледѣліе, тѣсно связанное съ осѣдлымъ бытомъ, даетъ дикой бродячей силѣ кочевниковъ-звѣроводовъ такое направленіе, что она изъ силы разрушающей становится силою производящею, творящею.

Таковъ смыслъ былины про Святогора-богатыря, въ которой разсказывается, что Святогоръ съ своею силою „въ землю угрызъ“: она отражаетъ переходъ народа отъ дикаго кочеваго быта къ осѣдлому земледѣльческому быту.

Въ одной изъ былинъ про Илью Муромца иначе рассказывается о кончинѣ Святогора: онъ самъ легъ въ гробъ и передъ смертью, чувствуя, что ему пора умирать, часть своей силы передалъ Ильѣ, богатырю-крестьянину. Смыслъ остается тотъ-же: окончилась пора бродячаго, кочеваго быта, и та же сила, которая прежде бродила безъ толку, напрасно бременила землю, — идетъ на дѣло земское, которому служить крестьянинъ Илья Муромецъ. Сила та же, да иной ея духъ, иной характеръ, иное направленіе; Святогоръ-богатырь, и Муромецъ-богатырь, но богатирство его — иное, съ инымъ духомъ, съ иными наклонностями и стремленіями.

Къ числу старшихъ богатырей принадлежатъ также — *Микулушка Селяниновичъ* и *Вольга Святославовичъ*. Былина, повѣствующая о встрѣчѣ этихъ богатырей, отражаетъ позднѣйшія событія и перевороты въ народной жизни, а именно — столкновение и сближеніе двухъ новыхъ силъ, заступившихъ мѣсто умершей, угрозившей въ землю дикой кочевой силы, сближеніе двухъ новыхъ началъ, земскаго и государственнаго. Кочевая, разрушающая сила выродилась въ творящую силу земскую; а отъ земледѣльческаго быта одинъ шагъ до государственнаго, — рядомъ съ земскою силой, сама собой нарождается сила государственная, и обѣимъ этимъ силамъ необходимо, для общаго блага, сблизиться, соединиться, чтобы поддерживать другъ друга. Олицетвореніемъ земской силы въ былинѣ является *Микулушка Селяниновичъ*, богатырь-ратай, пахарь. Пахнетъ онъ обширное, неоглядное поле: „въ край онъ уѣдетъ — другаго не видать“, — обширное поле и еще не пропаханное, новъ: ему приходится „коренья, каменья вывертывать, а большіе — то каменья въ борозду валить“. Это обширное поле — вся Русская земля, вся ея ширь и гладь неоглядная. Былина, созданная народомъ, по своему украшаетъ богатыря земской силы, какъ любимое созданіе народнаго творчества: лошадь у ратая Микулушки соловая, сошка кленовая, гужики шелковые; голосъ его такъ раздается по раздолью русскаго поля, что Вольга еще не видитъ ратая, а голосъ его слышитъ, и слышномъ два дня онъ долженъ ѣхать полемъ, чтобы встрѣтиться съ этимъ ратаемъ лицомъ къ лицу. Но главное украшеніе богатыря-ратая — его сила, не та обыкновенная богатырская сила, которая проявляется въ ратныхъ удачахъ молодецкихъ, а совсѣмъ особенная, своеобразная,

которая проявляется иначе и въ иныхъ случаяхъ. Поѣхалъ Микулушка въ городъ за солью, а горожане стали притѣснять его, потребовали „грошей подорожныхъ“, т. е. пошлины;—ратай, признавая такое требованіе дѣломъ несправедливымъ, разбойничьимъ (онъ и называетъ горожанъ „разбойниками“), побилъ горожанъ. Надо землю пахать, корни выкорчивать, камни выворачивать,—здѣсь Микулушка обнаруживаетъ такую силу и ловкость, что никакой богатырь съ нимъ не сравнится. Надо сошку „съ земельки повыдернуть, изъ омѣшниковъ земельку повытряхнуть и припрятать сошку за ракитовъ кустъ“, чтобы сберечь ее „для мужаива-деревенщины“,—напрасно силятся сдѣлать это дружинники Вольги Святославовича, люди ратные,—ни пять, ни десять, ни всѣ они вмѣстѣ не могутъ справиться съ сохой, а Микулушка-ратай взялъ сошку одной рукой, съ земельки повыдернулъ, земельку повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ. Проявляясь только въ извѣстныхъ случаяхъ, сила ратая Микулушки не хвастлива, не заносчива и чувствуетъ свою слабость, непригодность во всякомъ другомъ дѣлѣ, кромѣ дѣла земскаго, крестьянскаго. Потому-то Микулушка является такимъ скромнымъ передъ богатыремъ-дружинникомъ Вольгой. Потому-то и на вопросъ Вольги объ имени—онъ сперва говоритъ о своей крестьянской работѣ, о своихъ земскихъ трудахъ и заслугахъ („а я ржи напашу“ и т. д.), за которые ему дано и самое имя.

Дружинникъ *Вольга Святославовичъ* — олицетвореніе государственной силы. Онъ, и своимъ именемъ, и характеромъ, напоминаетъ Вѣщаго Олега лѣтописи. Былина представляетъ Вольгу мудрымъ, а мудрость эта, во первыхъ, состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ нагнать страхъ даже на природу, умѣетъ оборачиваться щукой-рыбой и ходить въ глубокихъ моряхъ, сѣрмы волкомъ рскасть въ чистыхъ поляхъ, птицей-соволомъ летать подѣ оболочка, и отъ него въ страхѣ уплываютъ рыбы, убѣгаютъ звѣри, улетаютъ птицы. Во вторыхъ, мудрость его состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ и стремится водворить порядки въ Русской землѣ при помощи дружины своей, которая ему предана и повинуется безпрекословно. Выучился онъ „всякой мудрости“, собралъ дружину и поѣхалъ съ ней устанавливать порядки. Встрѣтивъ въ полѣ богатыря-ратая Микулушку, Вольга съ перваго раза относится къ

нему свысока, даже имени его не знает, да и знать не хочет, просто называет его „ратай-ратаюшко“, въ то время какъ этотъ ратай-ратаюшко величаетъ его Вольгой Святославовичемъ: видно, что богатырь-ратай здѣсь свой человѣкъ,—какъ же ему, хозяину не знать имени гостя, пришло, —а можетъ быть—и приглашеннаго дружинника? Но познакомившись поближе съ богатыремъ-ратаемъ, мудрый богатырь-дружинникъ тотчасъ сообразилъ, что эта смиренная сила пригодится ему: онъ зоветъ „ратай-ратаюшка“ къ себѣ „въ товарищи“ и любопытствуетъ узнать его имя и отечество.

Младшіе богатыри,—настоящіе, живые люди,—только одаренные большимъ запасомъ силъ, физическихъ и нравственныхъ, но съ обыкновенными человѣческими добродѣтелями и пороками, привычками, потребностями и наклонностями. Одинъ изъ нихъ хвастливъ, другой пьяница, третій щеголь, у четвертаго „глаза завидушіе, руки загребушія“ и т. под. Младшіе богатыри относятся къ позднѣйшему времени народной жизни, сравнительно съ богатырями старшими. Одни изъ нихъ живутъ и дѣйствуютъ въ Киевскомъ княжествѣ, окружаютъ князя Владимира Красное Солнышко, служатъ князю и народу, оберегая Киевскую Русь. Другіе живутъ и дѣйствуютъ въ Великомъ Новгородѣ. Поэтому, между младшими богатырями различаются богатыри Киевскіе и Новгородскіе.

Киевскіе богатыри, какъ уже было сказано, группируются около князя Владимира, котораго былины величаютъ „Краснымъ Солнышкомъ“ и называютъ „ласковымъ“ княземъ. Но о самомъ князѣ въ былинахъ говорится мало. Дѣятельность его состоитъ только въ томъ, что онъ собираетъ богатырей около себя, устраиваетъ для нихъ пиры, ласково принимаетъ и угощаетъ ихъ, отправляетъ на службу, на разные подвиги, иногда сватаетъ и женить. Радшіе, гостепріимство, ласковость, привѣтливость—вотъ черты, характеризующія князя Владимира, какимъ онъ представляется въ былинахъ. Извѣстно, что такимъ-же представляетъ его и лѣтопись, такъ что здѣсь былина совершенно согласна съ лѣтописью. Самъ князь Владимиръ въ былинахъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ; героями, совершающими ихъ, являются исключительно окружающіе его богатыри; но чувствуется, что безъ него не было бы ни этого богатырства, ни этихъ подвиговъ на благо Русской

земли: князь Владиміръ является связующимъ началомъ, дѣйствительнымъ „солнышкомъ“, безъ котораго все бы завяло, отжило, рассыпалось въ прахъ. Въ немъ сосредоточена та благая и крѣпкая государственная власть, которая собираетъ и направляетъ народныя силы для блага земли.

Въ чемъ-же заключается дѣятельность богатырей, окружающихъ ласковаго князя Владиміра Красное Солнышко, состоящихъ на службѣ князю и Русской землѣ? Они ведутъ постоянную борьбу съ внутренними и внѣшними врагами Русскаго государства и народа. Внутренніе враги въ былинахъ представляются въ образахъ чудовищъ—*Соловья-разбойника*, *Змья-Горыныча*, *Тугарина Змеевича*, *Идолица* поганаго. Это, прежде всего, вредящія силы суровой сѣверной природы, съ которой приходилось бороться Русскому народу, а затѣмъ—язычество, упорно враждовавшее противъ христіанства, и разбойничьи шайки, которыя такъ усиливались, при слабости государственной власти, что съ ними надо было вести настоящую войну. Внѣшніе враги—чужіе богатыри и чужія силы—*Жидовинъ-богатырь*, *Калинъ царь*, съ несмѣтными силами, *Чудь бѣлоглазая*, *Сорочина* долгополая, *Калмыки* со *Татарами*, *Чукчи* и *Амторы* и т. п. Это—тѣ инородческія племена, съ которыми Русскій народъ, дѣйствительно, велъ упорную борьбу въ первыя столѣтія государственной жизни, отстаивая свою самостоятельность и свою землю, защищаясь отъ ихъ хищническихъ набѣговъ и постепенно расширяя свои владѣнія, ради огражденія своей безопасности.

Во главѣ Киевскаго богатырства стоитъ *Илья Муромецъ*, богатырь—крестьянинъ, любимецъ народа; его богатырскимъ поѣздомъ и подвигамъ посвящена большая часть Киевскихъ былинъ. Подвиги его—подвиги самого народа; его качества и характеристическія черты—идеальныя представленія о желательномъ достоинствѣ истинно русскаго человѣка, усвоенныя народомъ по отношенію къ самому себѣ.

Прежде всего, *Илья Муромецъ*—человѣкъ съ любящимъ, добрымъ, сострадательнымъ сердцемъ; ему и богатырство, могучая сила и молодецкая удаля, дано прохожими странниками, послѣ тридцати—лѣтнаго неподвижнаго сидѣнія, за готовность на дѣло милосердія. Онъ—благочестивый христіанинъ, про котораго можно

сказать русской пословицей, что онъ „безъ Бога ни до порога“. Онъ — хорошій, почтительный сынъ и принимается за дѣло не иначе, какъ испросивъ родительское благословеніе. Онъ—усердный и вѣрный слуга князя и русской земли и никогда не измѣняетъ своему долгу—ни изъ страха и самосохраненія, ни изъ корысти и властолюбія,—его ничѣмъ не подкупишь, не соблазнишь, не испугаешь. Онъ и во главѣ Кіевскаго богатирства встаетъ не только за огромную физическую силу, но также за простоту и честность крестьянскую, за вѣрную службу князю и дѣлу государственному, земскому и народному.

Илья Муромецъ прокладываетъ прямоѣзжія дороги, разчищая лѣса и болота, которыми изобилуетъ Русская земля, разгоняетъ воровъ-разбойниковъ, побѣждаетъ и Соловья-разбойника, и поганое Идолище, и Жидовина—богатыря, и Калина царя, съ его несмѣтными силами угрожающаго Кіеву. Богатыри изъ другихъ сословій не обладаютъ такой силой и такимъ мужествомъ, чтобы справиться и съ суровой сѣверной природой, и съ внутренними недругами христіанской Руси и порядка, и съ инородцами—кочевниками, этими естественными внѣшними врагами молодаго государства. Но, кромѣ того, прочіе богатыри страдаютъ разными слабостями и пороками, которые не коснулись сѣрой крестьянской среды, простаго и близкаго къ природѣ земледѣльческаго люда.

Надежныѣ другихъ *богатырь-бояринъ Добрыня Никитичъ*, племянникъ самого князя Владиміра, богатырь, у котораго „вѣжество рожденное и ученое“, т. е. и наслѣдственное, данное рожденіемъ, и приобрѣтенное ученіемъ, воспитаніемъ. Онъ побѣдилъ Змѣя Горыныча, Чудь бѣлоглазую, Сорочину долгополую и проч.; но въ немъ обнаруживается то излишняя самонадѣянность, то внезапная робость, то боярская щепетильность, и не всякій подвигъ ему по плечу: отъ богатыря—Жидовина онъ просто убѣжалъ, подавленный чувствомъ самосохраненія и страха. Другой богатырь боярскаго рода, *боярскій санъ Гришка*, любитъ похвастать: „боярскіе роды хвастливые“, говоритъ Илья,—расхвастается бояринъ,—и дѣла не сдѣлаетъ, и себя погубитъ по напрасному. Богатырь-бояринъ *Старъ Годимовичъ* хвастовствомъ чуть не погубилъ себя; только любящая жена выручила его и посовѣтовала ему—впередъ не увлекаться

хвастовствомъ. *Богатырю*—*дьяку*, *грамотью* *Василію Игнатьевичу*, мѣшаютъ — его неловкость, неповоротливость, помы длинные, да пристрастіе къ вину: „по землѣ ходитъ Васька, говоритъ Илья,— залпается, погибнетъ Васька по—напрасному“. Онъ пьяница, и любимое мѣсто его—„кружало“, кабакъ. Если надо найти Ваську, его ищутъ въ кружалѣ. Но за то онъ грамотѣй и ловкій посоль, искусно, замисловато выполняющій посольскія порученія. Сила и отвага у него являются больше подѣ влияніемъ вина и не всегда кстати. У богатыря *Алехи Поповича* больше дерзости и нахальства, нежели силы и богатырскаго мужества; съ этой дерзостью онъ склоненъ не столько къ честному богатырскому бою, сколько къ дерзкимъ выходкамъ и къ наглому обману. Такъ онъ поступилъ, напримѣръ, съ *Настасьей Микудишной*, сообщивъ ложную вѣсть о смерти *Добрыни Никитича*; такъ поступилъ онъ съ *Тугариномъ Змѣвичемъ* и съ валиками переходими: ложь, обманъ—ему ни почемъ. Кромѣ того, „захлѣпшевый“, по выраженію былинны, Алѣша любитъ вздорить и ругаться, „вѣжество его не рожденное“; а главная бѣда—въ томъ, что у него „глаза завидушіе, руки загребушія“.

. И подавно не можетъ равняться съ *Ильей богатырь-бродяга*, *Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ*: какъ бродяга, онъ не привязанъ къ землѣ и къ земскому дѣлу, да—кромѣ того—любитъ, подобно *Василію Игнатьевичу*, ходить по кабакамъ и пьянствовать. А о *богатырь шеголь и красавицъ Чуриль Пленковичъ* ужъ и говорить нечего: гдѣ ужъ равняться съ проставомъ-мужикомъ избалованному франту, передъ которымъ несутъ „подсолнечникъ“, чтобы солнце не сожгло его лица, когда онъ идетъ по городу?

Одинъ крестьянинъ *Илья Муромецъ*—богатырь безъ пороковъ и слабостей: благочестивый христіанинъ, почтительный сынъ, вѣрный слуга князя и Русской земли, онъ могучъ и отваженъ безъ хвастовства и грубой дерзости, безкорыстенъ, прямодушенъ—и непобѣдимъ. Вотъ почему онъ по праву занялъ первое мѣсто въ средѣ *Кіевскихъ богатырей*, окружающихъ ласковаго князя *Владимира Красное Солнышко*. Но и при дворѣ князя, во главѣ *кіевского богатырства*, онъ остается тѣмъ же проставомъ-мужикомъ, съ грубоватыми мужицкими ухватками, съ деревенской простотой, съ рабочей земской силой. *Добрыня*—*бояринъ* смотритъ

на врага въ трубочку серебряную, а Илья „въ кулакѣ молодецкѣй“. Сбираясь въ путь для истребленія Идолища поганого, обулъ Илья „лапотки шелковые“. Выпивши на пиру у князя Владиміра, когда его „маленько ошабурило“, онъ поломалъ скамьи дубовыя, погнулъ сваи желѣзныя, поприжалъ всѣхъ бояръ, купцовъ и богатырей, такъ что и самъ князь Владиміръ „за печку задвинулся, собольей шубой закинулся“, — настоящій мужикъ деревенщина... И сила его все таки въ землѣ-же. Въ борьбѣ съ богатыремъ Жидовиномъ онъ поскользнулся и упалъ; совсѣмъ было покончилъ съ нимъ Козарскій великанъ, да на бѣду свою замѣшкался, не поторопился отрубить ему буйну голову, затѣялъ издѣваться надъ лежащимъ врагомъ, а между тѣмъ — *„лежучи на землѣ у Ильи втрое силы прибыло“*, и вышелъ онъ изъ борьбы побѣдителемъ, благодаря матери-землѣ, доброй кормилицѣ и неистощимой силохранилищницѣ богатыря-крестьянина.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на двухъ „богатырей-женщинъ“, которыя являются въ былинахъ. Это дочери Микулушки Селяниновича. Онѣ представляются могучими богатырями, но богатырство не измѣнило ихъ женской природы. Младшая, *Настасья Микулушча*, устояла въ бою съ могучимъ богатыремъ Добрыней Никитичемъ, но ее побѣдила любовь: она полюбила Добрыню, вышла за него замужъ и стала доброй, вѣрной, любящей женой. Старшая, *Василиса Микулушча*, является любящей и преданной женой богатыря-боярина *Ставра Годиновича*; но обязанности семейныя не убили въ ней богатырства, и когда съ мужемъ, съ „любимою семейшвой“, съ „законною державушкой“, случилась бѣда, это богатырство дало ей возможность выручить изъ бѣды Ставра Годиновича.

Среди своихъ богатырей, въ былинахъ являются *богатыри заѣзжіе*, гости, котырые тоже стремятся къ ласковому князю Владиміру. Таковы — *Дюкъ Степановичъ* изъ Волынца, Красна Галичья, торговый человѣкъ, поразившій Кіевъ своимъ богатствомъ, и *Соловей Будимировичъ* изъ-за моря, изъ города Леденца, искусный гусларь, женихъ племянницы князя, прекрасной *Запавы*.

Кіевское богатырство погибаетъ подъ напоромъ какой-то „нездѣшной силы“, какъ рассказывается въ былинѣ о томъ, „съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси“. Что же это за „нездѣшняя сила?“ По поводу этого вопроса само собой приходитъ

на умъ монгольское иго, придавившее русскую земскую силу, русскую земскую жизнь. „Эта „нездѣшная сила“—роковая сила гнетущихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ татарскимъ погромомъ. Она перевернула весь строй русской народной жизни, перепутала всѣ житейскія отношенія, вопреки нравственнымъ понятіямъ народа; она извратила людскія отношенія, попирая все, что въ глазахъ народа было свято и дорого; она произвела страшную неурядицу и въ государственной, и въ земской жизни, и въ народныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ. Среди этой неурядицы не стало мѣста могучимъ богатырямъ, представителямъ иного строя жизни. Та жизнь разрушилась, окончилась, отошла; пришелъ конецъ и бога, тырству, которое было создако тою жизнью, какъ явленію отжившему, непригодному. Могучіе русскіе богатыри обратились въ мертвые камни,—и не стало больше на Руси богатырей, остались только обыкновенные люди, а камни тѣ, по народному вѣрованію, сохранились и до сихъ поръ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и теперь указываютъ на эти камни, какъ на окаменѣлыхъ богатырей, какъ на каменные памятники утраченной могучей силы далекаго прошлаго.

Совершенно отдѣльно отъ Кіевского, стоитъ *богатырство Новгородское*. Отброшенный на сѣверъ, торговый и богатый Великій Новгородъ, благодаря отдаленному положенію, жилъ своею особою жизнью, выработалъ свою могучую, крѣпкую общину и сохранялъ свою самобытность даже въ то время, когда надъ всей Русской землей тяготѣлъ гнетъ татарскаго ига. Поэтому, богатырство Новгородское жило дольше и представляетъ совсѣмъ особыхъ, своеобразныхъ героевъ, отличныхъ отъ героевъ богатырства Кіевского. Въ торговомъ городѣ главною силою является капиталъ, богатство матеріальное, накопленное умомъ, смѣлою предприимчивостью и удачею. Смышленная, смѣлая, предприимчивая личность, сильная капиталомъ, — вотъ первый богатырскій образъ въ Новгородскихъ былинахъ: это *Садко-купецъ*. Но сила личности ничтожна передъ силою могучей общины, которая выработалась въ Новгородѣ; личность сильна пока она въ ладу съ общиной; въ случаѣ разлада — ей приходится смириться; борьбы съ общиной ей не выдержать, какъ не выдержалъ ея Садко-купецъ, выразившій сознание своего безсилія передъ силой общины въ

этих словах: „Не я, видно, богатъ, купецъ Новгородскій,—по богаче меня славный Новгородъ!“

Рядомъ съ богатствомъ, конечно, неминуема и бѣдность; рядомъ съ богачами живетъ бѣднота „голытьба“, у которой, вмѣсто капитала, обнаруживается иная сила—дерзкая молодецкая удаль.

Эта удаль широко и буйно развернулась въ Новгородѣ и создала, такъ называемую, новгородскую „вольницу“. Шайки новгородскихъ удалцовъ, подъ именемъ „ушкуйниковъ“, появлялись на легкихъ лодкахъ—„ушкуяхъ“ на Волгѣ и занимались грабежомъ, наводя страхъ на все Поволжье. Дома, въ самомъ Великомъ Новгородѣ, вольница вносила въ жизнь не мало буйства, безчинства, разнузданности, дракъ и кровавыхъ приключеній, но за то своею дерзкою удалью она вносила въ общину и нѣкоторое равновѣсiе, потому что не давала излишняго, подавляющаго преобладанія капиталу, богатству. Притомъ же и буйная вольница въ новгородской общинѣ не оставалась безъ узды, которая могла бы укрощать расходившуюся молодецкую удаль. Такое укрощающее значеніе имѣла сила церкви и сила семьи. Новгородская вольница въ былинахъ является въ образѣ *Василія Буслаевича*; *Старичище-Пилтримище*—церковная сила; *мать Василія*—семейная сила.

Изъ этого обзора содержанія кievскихъ и новгородскихъ былинъ, сохранившихся до нашего времени, видно, что въ былинахъ, дѣйствительно, отразилась старо-давняя исторія и жизнь Русскаго народа, съ ея наиболѣе крупными событіями и явленіями, но отразилась такъ, какъ понималъ ее и представлялъ себѣ самъ народъ, согласно съ своими понятіями и вѣрованіями. Въ нихъ мы, дѣйствительно, можемъ видѣть отношеніе народа къ своему прошедшему, живое и правдивое выраженіе народнаго характера, народныхъ понятій, вѣрованій. Поэтому, былины—драгоценный матеріалъ для изученія и вѣрнаго пониманія самого народа, создавшаго ихъ. По своей несомнѣнной народности, нравственному достоинству и общедоступности для всякаго русскаго человѣка, онѣ даютъ превосходный матеріалъ для чтенія ученикамъ народной школы, интереснаго и поучительнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ—несравненный матеріалъ и для изученія живаго русскаго языка, со всѣми его богатствами и красотами.

Какъ-же слѣдуетъ поставить въ школъ чтеніе былинъ? Какими объясненіями и упражненіями можетъ оно сопровождаться?

Понятно, что для полнаго пониманія былинъ всего удобнѣе читать ихъ въ связи съ рассказами изъ русской исторіи: тогда сдѣлается возможнымъ объяснять смыслъ тѣхъ образовъ, которые былинами даются. Но возможно чтеніе былинъ и независимо отъ исторіи. Въ такомъ случаѣ придется, не вдаваясь въ толкованіи, заботиться только о томъ, чтобы ученики поняли непонятныя слова и выраженія, усвоили содержаніе былины и характеристическія черты дѣйствующихъ лицъ.

Упражненіями, сопровождающими чтеніе, устными и письменными, могутъ быть: изложеніе содержанія отдѣльныхъ былинъ, изложеніе исторіи того или другаго богатыря по нѣсколькимъ былинамъ, характеристика отдѣльныхъ богатырей и всего богатырства, кievскаго и новгородскаго. Пусть во всѣхъ этихъ упражненіяхъ ученики пользуются языкомъ былинъ, усвоивая и внося въ свое изложеніе ихъ наиболѣе характерныя выраженія. Въ связи съ чтеніемъ рассказовъ изъ русской исторіи, какъ было сказано, становится возможнымъ и объясненіе былинъ, какъ отраженія дѣйствительности, согласно съ народными понятіями и вѣрованіями. Во всякомъ случаѣ, этихъ объясненій не слѣдуетъ навязывать ученикамъ. Пусть ученики сами находятъ сходство между тѣми или другими историческими данными и изображеніями былинъ и добираются до смысла послѣднихъ, или сами предлагаютъ о немъ вопросы, разъясненіе которыхъ, въ такомъ случаѣ, сдѣлается обязательнымъ для учителя. Мы по опыту знаемъ, что вопросы такъ и сыплются со стороны учениковъ, какъ только имъ въ голову западаетъ мысль, что въ этихъ рассказахъ о богатыряхъ не все выдумки да сказки, а много правды, дѣйствительности, жизни:

— Почему у Ильи „лежучи на землѣ“ втрое силы прибыло?

— Почему Илья смотрѣлъ на Жидовина-богатыря въ кулакъ, а не въ серебряную трубочку, какъ Добрыня Никитичъ?

— А что это за Идолище поганое, котораго побѣдилъ Илья Муромецъ?

— Какъ такъ вся дружина Вольги Святославовича не могла

выдернуть изъ земли сошки, а Микулушка Селяниновичъ выдернулъ и забросилъ ее за ракитовъ кустъ одной рукой?

— Почему это Илья Муромецъ сталъ атаманомъ надъ всѣми богатырями?

— Какой такой Калинъ царь подходилъ съ несмѣтной силой къ Кіеву?

— Для чего около Кіева была богатырская застава?

— Что за „нездѣшная сила“ погубила русскихъ богатырей?

Коль скоро такіе и подобные вопросы возникаютъ въ умахъ учениковъ, то надо ихъ удовлетворить.

Этими немногими замѣтками о чтеніи былинь въ школѣ мы и окончимъ наше „объяснительное слово“. *)

*) Редакція «Русскаго Начальнаго Учителя» проситъ всѣхъ учителей и учительницъ, которые захотятъ воспользоваться предлагаемымъ «Сборникомъ былинь» для чтенія съ дѣтьми, въ классѣ или внѣ класса, написать о томъ, какое впечатлѣніе производитъ чтеніе былинь на дѣтей, а также—какая работа велась по поводу этого чтенія и насколько она удавалась. Редакція думаетъ, что былины представляютъ чрезвычайно благодарный матеріалъ для сельскихъ школъ и горячо желаетъ помочь выработкѣ умѣнья пользоваться этимъ матеріаломъ въ школѣ, печатая работы учителей.

БЫЛИНЫ.

I.

СТАРШІЕ БОГАТЫРИ.

1. Святогоръ-богатырь.

На крутыхъ горахъ, на Святыхъ горахъ *),
Великанъ-богатырь Святогоръ сидѣлъ.
Не носила его мать-сырѣ земля,
Былъ онъ выше лѣсу стоячаго,
Головой упиралъ подъ облако ходячее.

Снарядился Святогоръ вовъ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается,—
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говорить Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашель,
Такъ я бы всю землю поднялъ!“

*) Полагають, что подъ именемъ *Святыя горы* разумѣются Карпаты.

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою — не подымется:
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
„А эдакого чуда не наѣзживалъ,
„Такого дива не видывалъ;
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку объѣма руками *),
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе **).

„Тяги-то земли онъ нашелъ, прибавила разскащица,
а Богъ его и попуталъ за похвальбу“.

2. Вольга Святославговичъ и Мишулушка Селянниновичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольгѣ,
Молодой Вольгѣ Святославговичъ.
Сталъ Вольгѣ растѣть-матерѣть;

*) Старинная форма: *двойственное* число.

**) Въ одной изъ былинъ, посвященныхъ Ильѣ Муромцу, какъ мы увидимъ дальше, о кончѣннѣ Святогора разсказывается иначе. Но сущность дѣла, смыслъ событія въ обоихъ разсказахъ одинъ и тотъ-же, какъ это объяснено въ предисловіи: бродячею кочевую силою овладѣваетъ земля, и вотъ изъ бродячей и бесполезной она, въ лицѣ Ильи Муромца, становится плодотворною земскою силою.

Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбой ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подѣ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ:
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные дѣса.
Сталъ Вольгѣ растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ одинаго,
Самъ еще Вольгѣ во тридцатыхъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгѣ Святославговичъ
Со своею дружинишкой хороброю
Онъ поѣхалъ въ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ рѣтая:
Ореть въ полѣ рѣтай, понукиваетъ,
Сошка у рѣтая поскрипываетъ
Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ *).
Ѣхалъ Вольгѣ до рѣтая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинишкой хороброю,
А не могъ онъ до рѣтая доѣхать.
Ѣхалъ Вольгѣ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до рѣтая доѣхать.
Ореть въ полѣ рѣтай, понукиваетъ,
Сошка у рѣтая поскрипываетъ
Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.

*) Омѣшникъ — рало у сохи.

Ѣхалъ Вольга ещё третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья *),
НаѢхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валить;
Кобыла у ратая соловая **),
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга такovy слова:
„Божья ти помочь, оратаюшко!
„Орать, да пахать, да ерестьянствовати ***),
„Съ края въ край бороздки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай такovy слова:
— Подитко, Вольга Святославговичъ,
— Со своею со дружинишкой хороброу,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь ерестьянствовати!
— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинишкой хороброу?—
„Ай же ты, ратаю ратаюшко!
„Ѣду къ городамъ за получкою:
„Ко первому городу ко Гурчевцу,
„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
„Ко третьему городу ко Крестьяновцу“.
Говорилъ оратай такovy слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А недавно я былъ въ городни, третьего-дни,
— На своей кобылкѣ соловой,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.

*) *Пабѣдье* — передъ-обѣденное время.

**) *Соловая* — блѣдножелтая.

***) *Ерестьянствовать* — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Они просятъ грошѣвъ подорожныхъ;
— А былъ я съ шалыгой подорожною *),
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—

Говорилъ Вольга таковы слова:

„Ай же, оратай оратаюшко,
„Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“

Этотъ оратай оратаюшко

Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говоритъ оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не для ради прохожаго, проѣзжаго,
— А для ради мужика деревенщины;
— Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
— И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ? **)

Молодой Вольга Святославговичъ

Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробря

Пять молодцевъ могучихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Эта дружинишка хоробря,

Пять молодцевъ могучихъ,
Приѣхали къ сошкѣ кленовой:

Они сошку за обжи ***) вокругъ вертять,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,

*) *Шалыга* — плеть съ обвязанной пудей на концѣ, кистень.

**) *Ракитовый кустъ, ракита*—то же, что ветла, бѣлая ива, дерево съ цвѣтами въ сережкахъ, цвѣтеть въ маѣ.

***) *Обжи* — оглобли.

Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинишку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылѣ соловенькой
Ко этой ко сошеѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка грудью пошла *),
А Вольгинъ-отъ конь остается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была; —
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глушый Вольга Святославговичъ!

*) Грудью пошла — поспасала.

- Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
- И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
- Этая кобылка конькомъ бы была,—
- За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.

Говорилъ Вольга Святославговичъ:

„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!

„Какъ-то тебя именовемъ — зовутъ,

„Какъ величаютъ по отечеству?“

Говорилъ оратай таковы слова:

- Ай же, Вольга Святославговичъ!
- А я ржи напашу, да во скирды сложу,
- Во скирды сложу, домой выволочу,
- Домой выволочу, да дома вымолочу,
- Драни надеру, да и пива наварю,
- Пива наварю, да и мужичковъ напою,—
- Станутъ мужички меня покликивати:
- „Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

II.

МЛАДШІЕ БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.

1. Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ.

А) Какъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, сталъ могучимъ богатыремъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Жилъ былъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ.
У него было дѣтище любимое,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Сиднемъ онъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка,
Иванъ Тимофеевичъ, и со матушкой
На работу на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики переходя *)
Подъ тое окошечко косящато;
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,

*) *Калики переходя* — богатыри — нищіе странники.

„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!

„Отворяй каликамъ ворота широкія,

„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ,

„подавай-ка каликамъ напитокя!“

Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

— Ай же вы, калики перехожія!

— Радъ бы пустить васъ къ себѣ въ домъ, въ ворота широкія,

— Подаль бы каликамъ напитокя,

— Да вотъ сиднемъ сижу ровно тридцать лѣтъ,

— Не владаю ни руками, ни ногами. —

Опять говорятъ калики перехожія:

„Вставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,

„Отворяй-ка ворота широкія,

„Пускай-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.

Послушался Илья, силу пробовалъ,

И вставалъ онъ Илья на рѣзвы ноги,

Отворялъ ворота широкія

И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.

Приходили калики перехожія,

Они крестъ кладутъ по писаному,

Поклонъ ведутъ по ученому,

Наливаютъ чарку питья медвянаго,

Подносятъ то Ильѣ Муромцу.

Какъ выпилъ то чару питья медвянаго,

Богатырско его сердце разгорѣлося,

Его бѣлое тѣло распотѣлося.

Возговорятъ калики таковы слова:

„Что чувствуешь въ себѣ, Илья Муромецъ?“

Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:

— Слышу въ себѣ силушку великую. —

Говорятъ калики перехожія:

„Будешь ты, Илья, великій богатырь,

„И смерть тебѣ на бою не написана:

„Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ

„И со всякою поленицей *) удавою,

*) *Поленицы* — богатыри-женщины, которыя тоже занимались «полеваньемъ», т. е. вдали въ чистое поле на удалые подвиги.

„А только не выходи драться
„Со Святогоромъ богатыремъ:
„Черезъ силу его земля носитьъ;
„Не ходи драться съ Самсономъ *) богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ Ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ **):
„Его любить матушка-сыра земля;
„Не ходи еще на Вольгу Святославговича:
„Онъ не силою возьметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго:
„Выходи на раздольице чисто поле,
„Покупай перваго жеребеночка,
„Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ ***);
„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты на три ночи жеребеночка въ саду поваживай,
„И въ три росы ****) жеребеночка выкатывай,
„Подводи его къ тыну *****) ко высокому, —
„Какъ станетъ жеребенокъ черезъ тынъ перескакивать,
„И въ ту сторону, и въ другую сторону, —
„Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
„Будетъ онъ носитьъ тебя, Илью Муромца“.
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку,
На тую на работу на крестьянскую.
Очистить надо палъ *****) отъ дубья-колоды:
Онъ дубы-колоды все повырбилъ,
Въ глубоку рѣку все повыгрузилъ,
А самъ и шель домой.

*) Самсонъ, подобно Святогору, одинъ изъ старшихъ богатырей.

**) Съ Микулой Селяниничемъ и его родней.

***) Бѣлояровая пшеница — кукуруза.

****) Заревая роса, по народнымъ вѣрваніямъ, обладаетъ особенною живительною силою.

*****) Тынъ — заборъ изъ бревенъ, поставленныхъ стоймя.

*****) Палъ — обгорѣлый лѣсъ.

Встали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
На работу пошли — испужались:
„Что это за чудо подѣялось?
„Кто бы намъ это сработалъ работушку?“
Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой, да дивуются.
Какъ пришли домой, видятъ:
Ходить по избѣ Илья Муромецъ, —
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Разсказалъ имъ Илья, родителямъ,
Какъ приходили калики перехожія,
Поили его питьецемъ медвянымъ,
И съ того онъ сталъ владать руками и ногами
И силушку получилъ великую.
Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ Илья;
Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой.
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталъ Илья жеребчика по три ночи по саду поваживать,
Въ три росы его выгатывалъ,
Подводилъ ко тыну высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ Ивановичъ
Сѣдлалъ добра коня, зануздывалъ,
Бралъ у батюшки, у матушки
Прощеньице-благословеньице
И выѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлопалатный.
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырмъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И заснулъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
А сонъ богатырскій крѣпокъ,—
Заснулъ онъ на три дня и на три ночи.
На третій день услышалъ его добрый конь
Великій шумъ съ подъ-сѣверныя сторонушки:
Мать-сыра земля колебается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ вливаются.
Бьетъ его добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ онъ языкомъ человѣческимъ:
„Ай же ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
„Спишь себѣ, проклаждаешься,
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
„Вдѣть къ шатру Святогоръ-богатырь“.
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упирается подъ облако ходячее.
Приѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Увидалъ онъ Илью Муромца
И сталъ его выспрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ ему въ бѣлый шатеръ.
Илья ему сказалъ все по правдѣ, по истинѣ.
Тогда Святогоръ помѣнялся крестомъ
Съ Ильей Муромцемъ Ивановичемъ
И назвалъ Илью мѣньшимъ братомъ.
Выучилъ Святогоръ меньшаго брата
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ.
И поѣхали они ко Святымъ горамъ,

И наѣхали путемъ дорогою на великій гробъ.

На томъ гробу подпись надписана:

„Кому суждено въ гробу лежать,

„Тотъ въ него и ляжетъ“.

Легъ Илья Муромецъ Ивановичъ:

Для него домовище *) и велико, и широко.

Ложился Святогоръ богатырь:

Гробъ пришелся по немъ какъ разъ.

Говорить богатырь таковы слова:

„Домовище про меня дѣлано, —

„Возьми-ка крышку, Илья,—закрой меня“.

— Не возьму я крышки, бѣлшій братъ,

— Не закрою тебя, Святогоръ богатырь,—

— Шутить ты шуточку не малую,

— Самъ себя хоронить собрался. —

Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ гробъ,

Да какъ хотѣлъ поднять ю **),

Крышка не подымается.

Бился онъ, силился по напрасному,

И проговорилъ онъ Ильѣ Муромцу:

„Ай, мѣншій братъ! не могу поднять крышки,

„Попробуй-ка приподнять ю, Илья Муромецъ“.

Попробовалъ Илья Муромецъ, да гдѣ ему!

Говорить тогда Святогоръ богатырь:

„Возьми-ка мой мечъ-кладенецъ,

„Ты ударь мечемъ поперекъ крышки!“

Ильѣ Муромцу не подъ силу и поднять меча-кладенца.

Зоветь его Святогоръ богатырь:

„Наклонись-ка ко гробу, ко маленькой щелочкѣ,

„Я дохну на тебя богатырскимъ духомъ“.

Какъ наклонился къ гробу Илья Муромецъ,

Дохнулъ на него Святогоръ богатырь,

Почувалъ Илья, что силы въ немъ прибавилось,

Стало втрое противъ прежняго.

*) *Домовище* — гробъ.

**) *Ю* — ея, старинная форма винительнаго падежа.

Поднял онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки.
Отъ того удара великаго только искры посыпались,
А гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ,
На томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная.
Зоветь Илью Святогоръ богатырь:
„Душно мнѣ, меньшій братъ Илья Муромецъ.
„Попробуй еще ударить вдоль крышки“.
Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, —
И тутъ выросла полоса желѣзная.
Опять проговорилъ Святогоръ богатырь:
„Задыхаюсь я, меньшій братецъ,
„Наклонись-ка ко гробу, ко щелочкѣ,
„Я дохну на тебя, передамъ тебѣ всю силушку великую“.
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— Будетъ съ меня силы, бѣльшій братецъ, —
— Не то земля на себѣ меня носить не станетъ;
Промолвился тутъ Святогоръ богатырь:
„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
„Что не послушалъ моего послѣдняго наказа:
„Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,
„И ты бы легъ мертвъ подлѣ меня.
„А теперъ прощай, владай мечемъ-кладенцемъ,
„А добра коня моего богатырскаго
„Привяжи къ моему гробу богатырскому;
„Никто, кромѣ меня, съ нимъ не совладеетъ“.
Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ.
Простился Илья съ старшимъ братомъ,
Привязалъ добра коня ко гробу богатырскому,
Опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

В) Илья Муромецъ ѣдетъ въ Кіевъ прямоюжею дорогою.—Дѣло у Чернигова.—
Камышнички, вору-разбойнички.—Соловей-Разбойникъ.

Не срой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкою,

Онъ и проситъ себѣ благословеньца:

„Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!

„Дай ты мнѣ свое благословеньце,—

„Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,

„Помолитесь чудотворцамъ Кіевскимъ,

„Заложитесь за князя Володиміра,

„Послужитъ ему вѣрою-правдою,

„Постоять за вѣру христіанскую“.

Отвѣчалъ старый крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:

— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,

— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.

— Поѣдешь ты путемъ дорогою,

— Не помысли зломъ на татарина,

— Не убей въ чистомъ полѣ христіанина“.

Поклонился Илья Муромецъ отцу до-земли,

Осѣдлалъ, зануздалъ добра коня,

Говорилъ самъ таковы слова:

„Ай ты, добрый мой богатырскій вонь,

„Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою“!

Обкольчужился Илья, облатился *),

Бралъ съ собой мечъ-кладенецъ,

Бралъ съ собой тугой лукъ,

Бралъ еще глубокъ-колчанъ, калены стрѣлы,

Бралъ копые долгожѣрное,

Бралъ и налицу булатную.

Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ

Ко стольному ко граду Кіеву.

И владеть Илья заповѣдь велику,

Что проѣхать до Кіева дорогой прямоѣзжею,

А рукъ дорогой не кровавити,

Не вымать изъ налушна **) тугой лукъ,

Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.

Прощался Илья съ отцемъ съ матерью,

И садился Илья на своего добраго коня,

*) Надѣлъ кольчугу и латы.

**) Изъ чехла, въ которомъ сохраняется лукъ.

А и только его Илью видѣли.
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Въ тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А и конь подъ Илей разсержается.
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Заѣзжалъ еще Илья за Оку рѣку
Ко тому Микулѣ Заручевскому,
Отслужилъ обѣдню запрестольную,
Становилъ свѣчу въ двадцать пять рублей,
Посулил впередъ въ пятьдесятъ рублей.
А съ третьимъ ускокомъ Илья Муромецъ
ѣхалъ мимо города Чернигова.
Подъ Черниговомъ вражьей силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силу басурманскую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подѣхалъ онъ къ городу ко Чернигову.—
Приходятъ мужики *) къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводю.
Говорить имъ Илья таковы слова:
„Ай же вы, мужики Черниговцы!
„Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводю;
„А скажите-ка мнѣ дорожку прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ“.
Говорили ему мужики Черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородный добрый молодець,
— Славный богатырь святорусскій!
— Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкой цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,

*) Мужики — мужи, горожане.

- Заколodiла дорожка, замуравила,
- Залегла дорожка ровно тридцать лѣтъ.
- Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскаетъ,
- Черный воронъ не пролетываетъ:
- Нѣтъ пути ни проѣзжѣму, ни прохожѣму, ни пролетному.
- И залегъ ту дорогу Соловей разбойникъ:
- Сидитъ онъ, Соловей, на девяти дубахъ,
- Захватываетъ воръ-собака на девяти верстахъ;
- Свищетъ Соловей онъ по соловьиному
- Воскричитъ то онъ, злодѣй, по звѣриному,—
- Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
- Что есть людишекъ—всѣ мертвы лежатъ“.—

Стоитъ Илья, пораздумался:

- „Прямоѣзжая дорога переломана,
- „Калиновы мосточки переворочены.
- „Не честь мнѣ хвала молодецкая
- „Ѣхать той дорожкой окольной,
- „А лучше поѣду дороженькой прямоѣзжѣю.—
- Поѣхалъ добрый молодецъ въ лѣса Брынскіе.
- Какъ на встрѣчу добру молодцу камышнички,
- По русскому назвать воры-разбойнички.
- Хотятъ они молодца убить-погубить,
- Тѣло бѣлое съ душой разлучить.
- Возговоритъ добрый молодецъ, Илья Муромецъ:
- „Охъ вы гой еси, добры молодцы-камышнички,
- „По русски назвать воры-разбойнички!
- „Убить то меня вамъ нѣ прочто,
- „А взять то съ меня вамъ нечего;
- „Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей,
- „Кушачекъ, колпачекъ во тысячу;
- „А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячи;
- „А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
- „Охъ вы гой еси, камышнички,
- „По русски воры-разбойнички!
- „Дайте вы мнѣ, молодцу, исправиться,
- „Будете молодцу и вланыться“!
- Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,

Накладывалъ казену стрѣлу
На тѣе тетивочку шелковую:
„Ой вы гой еси, добры молодцы!
„Въ васъ стрѣлять или въ дубъ сырой?“
Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,
Разшибилъ сыръ матернй дубъ
По мелкимъ ножевымъ череньямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
Возговорилъ добрый молодецъ:
„Охъ вы гой еси, добры молодцы-камышнички!
„Полноте лежать на сырой землѣ“!
Встали добрыя молодцы на рѣзвы ноги:
— Ты гой еси, удалый добрый молодецъ!
— Поди ты къ намъ въ товарищи,
— И будь ты у насъ атаманушкой!—
Возговорилъ добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Не хочу я съ вами разбойничать,
„Самъ не хочу, да и вамъ не велю.
„А ѣду я въ стольный Кіевъ градъ,
„Къ Володиміру князю на вспоможеніе,
„На его, князя, сбереженіе“.
Спускалъ Илья коня богатырскаго,
Поѣхалъ по дороженькѣ прямоѣзжей,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерки межъ ногъ спускать.
Подъѣзжаетъ онъ къ рѣчкѣ ко Смородинѣ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
Наѣхалъ онъ на Соловья-разбойника.
И слышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топу конинаго

И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретий зрявкнетъ по звѣриному.

Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ вѣдь на кукорачъ *).

Говорить Илья Муромецъ Ивановичъ:

„А ты, волчья сыть **), травяной мѣшокъ;
„Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
„Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
„Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
„Не слыхалъ ты шипу змѣиного,
„А того ли ты крику звѣринаго,
„А звѣринаго крику туринаго* ***).

Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымастъ калену стрѣлу

И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника:

И попалъ Соловья да въ правый глазъ,

Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба

Комомъ ко сырой землѣ.

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,

Привязалъ Соловья къ той ко лукѣ ко сѣдельницѣ,

Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,

Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.

И завидѣла-де его молода жена;

Она хитрая была и мудрая,

И взбѣгала она на чердаки на вышніе,—

Какъ бы дворъ у Соловья былъ на девяти верстахъ,

Какъ было около двора желѣзный тынъ ****),

А на всякой тычинкѣ по маковѣй,

И по той по головѣ богатырскія.

Наводила трубками нѣмецкими

*) Окорачился, падалъ на кукорачъ—ослѣзъ на задъ, подогнувъ ноги.

***) Волчій кормъ, чѣмъ волкъ сытъ.

****) Крикъ тура.

*****) Заборъ изъ колевъ желѣзныхъ.

Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака въ свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
„А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
„А девять сыновъ, ясны соколы!
„Вы подите въ подвалы глубокіе,
„Берите мои золотые ключи,
„Отмыкайте вы мои окованныя ларцы,
„А берите вы мою золотую казну,
„Выносите ее за широкій дворъ,
„И встрѣчайте удача добра молодца;
„А найдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
„Отца-то вашего въ торокахъ *) везетъ“.
А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросилась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалый добрый молодецъ!
„Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
„Отпусти Соловья разбойника,
„Не вози Соловья во Кіевъ градъ“.
А его-то дѣти Соловьевы
Неучтиво они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаетъ Илья онъ добра коня,

*) *Торока*—ремни у сѣдла.

А добра коня по тучнымъ бедрамъ;
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ Илья какъ соколъ летить,
Прѣѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
Среди двора княженецкаго
И съочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
Проходилъ онъ во гридню во свѣтлую *),
И молился онъ Спасу со Пречистомъ,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него князя почестный **) пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ Илья чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
„Ты свазись, молодець, какъ именемъ зовуть,
„А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
„По изотчеству ***) пожаловати“.
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А ты ласковый, стольный Владиміръ князь!
— А меня зовуть Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
— Изъ стольнаго города изъ Мурома,
— Изъ того села Корачарова. —
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владиміръ князь,
„Въ очакъ ****) дѣтина завирается;
„А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?

*) *Гридня*—комната, гдѣ пируютъ князья, бояре и богатыри.

**) *Почестный*—въ почетъ кому.

***) То-есть по отчеству.

****) *Въ очакъ*—очевидно, на глазахъ у всѣхъ.

„Залегла та дорога тридцать лѣтъ,

„Отъ того Соловья-разбойника“.

Говорить Илья Муромецъ:

— Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь,

— Посмотри мою удачу богатырскую,

— Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ тебѣ.—

И втапору Илья Муромецъ

Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ

Смотрѣть его удачи богатырскія.

Выходили тутъ и князи, бояра,

Всѣ русскіе могучіе богатыри:

Самсонъ богатырь Колывановичъ,

Суханъ *) богатырь, сынъ Домантьевичъ,

И семь то братьевъ Сбродовичи,

Еще мужики были Залѣшана,

А еще два брата Хапиловы,

Только было у князи ихъ тридцать молодцевъ.

Выходилъ Илья на широкій дворъ,

Ко тому Соловью-разбойнику,

Онъ сталъ Соловья уговаривать:

— Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!

— Посвисти, Соловей, по соловьиному,

— Пошипипи, змѣй, по змѣиному,

— Зрявкай, звѣрь, по туриному,

— И потѣшь князя Владиміра.—

Засвисталъ Соловей по соловьиному:

Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;

Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному;

Онъ втретѣ зрявкаетъ по туриному:

А князи и бояра испужались,

На корачкахъ **) по двору напоззались

И всѣ сильныи богатыри могучіе.

И накурить онъ бѣды несносныя:

Гостинны кони со двора разбѣжались,

*) Тоже одинъ изъ старшихъ богатырей, подобно Святогору и Самсону.

**) То-есть на четверенькахъ.

И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣвной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
„Уйми ты Соловья разбойника:
„А и эта шутка намъ не надобна“.
Сталъ Илья унимать Соловья посвоейскому:
Онъ схватилъ его за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю матушку,
Онъ въ подбросъ его видалъ
Выше башни наугольбня,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрый камень;
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки.
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Во княженецкія горницы,
И садили его да по край стола,
По край стола, да по край скамьи.
„Еще ты славный князь Кіевскій!
„Ты неси-ка чашу большую да обѣручную,
„Зелена вина да полтора ведра!“
Илья то беретъ чашу одною рукой,
Онъ и пьетъ ее на единый духъ.
Еще все то ему мало кажется:
„Ты неси еще, князь, чашу бѣольшую,
„Чашу бѣольшую да обѣручную,
„Еще два ведра да зелена вина,
„Все съ водочкой, да со наливочкой,
„Со крѣпкими, да со напитками“.
Илья примается да одной рукой,
Онъ и пьетъ чашу на единый духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабурило;
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться,—
Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
А у князя въ ту пору да въ то времячко

Еще столъ идетъ да въ полу-столѣ,
Еще пиръ идетъ да въ полу-пиру;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговые,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято-русскіе воины.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да въ большой уголь;
Еще сталъ гостей да поволачивать,
Еще сталъ гостей поворачивать.
Еще князь въ ту пору да въ то времячко
За печку задвинулся,
Собольей шубою закинулся.

В) Илья Муромецъ во главѣ Киевскихъ богатырей.—Жидовинъ богатырь.

Подъ славнымъ городомъ подъ Киевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскихъ,
Стояла застава богатырская *).
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Под-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алеша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополый **).
Всѣ были братцы въ разѣздыцѣ:
Гришка—Бояринъ въ тѣ поры кравчимъ жилъ ***);
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Киевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ на бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,

*) То-есть нѣчто въ родѣ крѣпости для огражденія отъ вражескихъ набѣговъ.

**) Тутъ собрались богатыри всѣхъ сословій: крестьянинъ, бояринъ; боярскій сынъ, поповичъ и богатырь-дьякъ, грамотѣй Василій Долгополый.

***) Придворная должность.

Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За тою ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Во чистомъ полѣ увидѣлъ ископотъ *) великую,
Ископотъ велика—поль-печи.
Учалъ онъ ископотъ досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
„Изъ этой земли изъ Жидовскія
„Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь **),
„На эти степи Цицарскія“!
Приѣхалъ Добрыня въ столичный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гой еси, братцы-ребатушки!
„Мы что на заставушкѣ устояли?
„Что на заставушкѣ угладѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ“!
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополого.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребатушки, положили;
„У Васьки помы долгиа:
„По землѣ ходитъ Васька—заплетается,
„На бою, на драгѣ заплетется.—
„Погинѣтъ Васька по напрасному“.
Положились на Гришку, на Боярскаго сына:
Ѣхать Гришкѣ за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,

*) *Ископотъ*,—комъ земли изъ-подъ копыта.

**) *Жидовская земля*—земля *Козарская*, *Хозарская*, степь на востокъ отъ Дивпра, откуда приходили Евреи къ Владимиру предлагать свою іудейскую вѣру.

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, удумали;
„Гришка рода боярскаго:
„Боярскіе роды хвастливые;
„На бою, на дракѣ прихвастается,—
„Погинѣтъ Гришка по напрасному“.
Положились на Алѣшу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, полѣжили:
„Алешенька рода поповскаго;
„Поповскіе глаза завидушіе,
„Поповскія руки загребушія;
„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
„Много золота, серебра,—
„Злату Алеша позавидуетъ;
„Еще станетъ онъ „захлышшевый“ *) вздорити,—
„У Алеша вѣжество не рожденное,—
„Погинѣтъ Алеша по напрасному“.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣдлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедра беретъ саблю вострую,

*) *Захлышшевый*—забубенный, нахальный, смѣлый очертя голову.

Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую *).
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину **);
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
„Атаманю Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаману Добрыня Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братію наборную“?
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича;
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмолится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика“!
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братією со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Какъ выѣхалъ на гору на Сорочинскую,
„Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
„Увидѣлъ на полѣ чернизину,
„Поѣхалъ прямо на чернизину,
„Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:

*) *Сорочинская гора*, по народнымъ представленіямъ, находилась гдѣ-то близъ моря Хвалынскаго (Каспійскаго). *Цицарскія степи* — вѣроятно, при-Каспійскія.

***) *Чернизина*—черное пятно.

— Воръ, собака, нахвальщина!
— Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь, —
— Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
— Подъ-атаманью Добрынь Никитичу?
— Есауду Алешѣ въ казну не кладешь,
— На всю нашу братію на приборную?“
„Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
„Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
„Попуцалъ на меня добра молодца:
„Сыра мать-земля всколебалася,
„Изъ озеръ вода выливалася,
„Подо мною конь на колѣнца палъ.
„Тутъ я Господу Богу возмолился:
„Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!“
„Подо мной тутъ конь посправился,
„Уѣхалъ я отъ нахвальщика
„И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую“.

Говоритъ Илья Муромецъ:

„Больше не кѣмъ замѣнитися, —
„Видно ѣхать атаману самому!“
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаеть Илья добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаеть въ сѣдельшко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую:
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь, —
„Миѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманью Добрынь Никитичу?“

„Есауду Алешѣ въ казну не владешь,
„На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился *).
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палками ударились,—
Палицы у нихъ изломались,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приломались,
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою, —
Поскользится у Илейка ножка лѣвая,
Паль Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ кинжалище булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матерой!
— Зачѣмъ ты ѣдишь во чисто поле?
— Будто нѣ къмъ тебѣ старику замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той путѣ—при дороженькѣ;
— Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
— Тутъ бы, старикъ, ситъ-питаненъ былъ. —
Лежить Илья подъ богатыремъ,
Говорить Илья таково слово:

*) Не удробился—не испугался.

„Да не ладно у Святыхъ Отцевъ написано,
„Не ладно у Апостоловъ удумано;
„Написано было у Святыхъ Отцевъ,
„Удумано было у Апостоловъ:
„Не бавать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому *)“;
„А теперь Илья подъ богатыремъ!“
Лежучи на землѣ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго **),
Паль нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ до поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Не досугъ Илюхѣ много спрашивать,
Скоро вспоролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру земле;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ, —
„Ѣкаго чуда не наѣзживалъ!“

Г) Илья Муромецъ побѣждаетъ Идолище поганое.

Приѣзжалъ Идолище ***) поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Съ грозой со страхомъ со великиимъ,

*) Илья Муромецъ припоминаетъ слова каликъ переходящихъ.

**) Рослое дерево, которое выросло на припекѣ, на жарѣ.

***) Въ образѣ Идолища, надо полагать, представляется язычество. Былина представляетъ, какъ подвигъ Ильи Муромца, истребленіе языческихъ идоловъ вскорѣ послѣ принятія христіанства; объ этомъ въ лѣтописи Нестора раз-

Къ тому ко князю, ко Владимиру,
И становился онъ на княженецкй дворъ,
Посылалъ посла ко князю, ко Владимиру,
Чтобы князь Владимиръ стольно-Кіевскй
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владимиру
И говорилъ посланникъ таковы слова:

„Ты, Владимиръ, князь стольно-Кіевскй!

„Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,

„Поединщика и супротивника съ силушкой великою,

„Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться“.

Тутъ Владимиръ князь ужаснулся,

Приужаснулся да и закручинился.

Говоритъ Илья таковы слова:

„Не кручинься, Владимиръ, не печалуйся:

„На бою мнѣ-ка смерть не написана, —

„Поѣду я въ раздольице чисто поле

„И убью-то я Идолища поганого“.

Обуль Илья лапотки шелковые,

Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,

На головушку одѣлъ шляпку земли Греческой,

И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.

И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:

Не взялъ съ собой палицы булатныя,

И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;

Идетъ-то дорожкой—пораздумался:

„Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,

„Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,

„Какъ съ симъ мнѣ Идолищемъ поправиться?“

На тую пору, на то времячко

сказывается такъ: «Самъ Владимиръ пришелъ въ Кіевъ (изъ Корсуни). Когда пришелъ, повелѣлъ низвергнуть идоловъ, иныхъ изрубить, другихъ сечь, а Перуна велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту и тащить съ горы».

Въ быльи—Илья схватилъ «шляпку земли Греческой» и ею побилъ Идолище, подобно тому какъ Греческой Христіанской вѣрой было уничтожено въ Кіевѣ язычество.

Идетъ ему на-встрѣчу Каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюку девяносто пудъ.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, Каличище Иванище!

„Уступи-тко мнѣ клюки на времячко, —

„Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому?“

Не даетъ ему Каличище Иванище,

Не даетъ ему клюки своей богатырской.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, Каличище Иванище!

„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:

„Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,

„Я тебя убью, мнѣ клюка и достанется.“

Разсердился Каличище Иванище,

Сдвинулъ онъ клюку выше головы,

Спустилъ онъ клюку во сыру землю,

Пошелъ Каличище завѣрдалъ.

Илья Муромецъ едва досталъ клюку изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣловаменну

Ко этому Идолищу поганому,

Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.

Говорилъ ему Идолище поганое:

— Ай же ты, калика переходяя!

— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ? —

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я.“

Говорить ему Идолище поганое:

— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,

— По многу ли Илья вашъ пива пить? —

Говорить Илья таковы слова:

„По стольку ѣсть Илья, какъ и я,

„По стольку пить Илья, какъ и я.“

Говорить ему Идолище поганое:

— Экой вашъ богатырь Илья:

— Я вотъ по семи ведеръ пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю. —

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,

„У его была корова ѣдучая:

„Она много ѣла-пила и лопнула.“

Это Идолищу не слюбилось:

Схватилъ онъ кинжалище булатное

И махнулъ онъ въ калику 'перехожую

Со всея со силушки великія.

И пристранился Илья Муромецъ въ сторонущку малешенько,

Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,

Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣвочкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,

Схватилъ онъ съ головушки шляпку земли Греческой,

И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на помы. *)

Туть ему Идолищу славу поютъ.

Д) Илья Муромецъ освобождаетъ Кіевъ отъ Калина царя.

Да изъ Орды **), Золотой земли,

Когда подымался злой Калинъ царь,

Злой Калинъ, царь Калиновичъ, ***)

Ко стольному городу во Кіеву,

Съ своею силою съ поганомъ,

Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,

Становился Калинъ у быстра Днѣпра,

Собиралось съ нимъ силы на сто верстъ,

Во всѣ тѣ четыре стороны.

Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?

Зачѣмъ не разступится?

А отъ пару было отъ конинаго

*) Пополамъ.

**) Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева въ былинахъ называются *ордами*.

***) *Калинъ царь* и его силы—кочевники, вторгавшіеся въ предѣлы Русской земли. Впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ татарскаго погрома, они въ народѣ тоже стали слыть подъ общимъ названіемъ *Татарь*.

А и мѣсяцъ, и солнце помергнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стуль,
Писалъ ярлыки *) скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень;
Голова на Татаринѣ съ пивной котель,
Который котель сорока ведеръ;
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что, возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонить, **)
Божьи церкви на дымъ пустить. ***)
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ на-скоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ
Среди двора княженецкаго,
Скакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Вѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ; ****)
Бросалъ ярлыки на круглый столъ

*) Ярлыкъ—въ старинномъ языкѣ грамота, указъ, предписаніе, письменное распоряженіе о чемъ нибудь.

***) Возьметъ въ плѣнъ.

****) Сожжетъ.

*****) Т. е. не считаетъ и людьми, не ставитъ ни во что.

Передъ великаго князя Владиміра.
Отшедь Татаринъ слово выговорилъ:
„Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
„Безъ бою, безъ драки великія,
„И безъ того кровопролитія напраснаго.“
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ.
Гляючи на ярлыки—заплакалъ свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилось,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калиномъ силы напасено
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тѣмы по три тысячи,
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лоншекомъ.
И то дѣло у нихъ неокончано,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапору Василій пьяница *)
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый,
Калену стрѣлу перяную,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими,
А гдѣ то сидитъ злодѣй Калинъ царь,—
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣляетъ онъ тутъ въ Калина царя;
Не попалъ въ собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,—
Угодила стрѣла ему въ правый глазъ.

* *Василій Ипатьевичъ Долмополый*,—богатырь—дьякъ, пьяница.

Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало.
Что первую бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили, *)
Убили зятя любимаго
Съ той башни со стрѣльня.
И тутъ Калину царю за бѣду стало:
Послалъ другаго Татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшавши,
Съ той стороны полуденны,
Что ясный соколъ въ перелетъ летить
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,
Бѣжить Илья Муромецъ Ивановичъ.
Пріѣхалъ онъ во стольный Кіевъ градъ,
Среди двора княженецкаго
Сокочили Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Идетъ во грядню во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгиней,
И на всѣ четыре стороны,
И самъ Илья усмѣхается:
„Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ?
„Что за дуракъ неотесанный?“
Владиміръ князь стольный Кіевскій
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ, —
Говорить тутъ ему Владиміръ князь:
— Гой еси, Илья Муромецъ!
— Пособи мнѣ думушку думати,
— Сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ градъ,
— Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,

*) Загрезили — забредили, затѣяли безъ толку.

— Безъ того кровопролитія напраснаго? —

Говоритъ Илья таково слово:

„Владиміръ князь стольный Кіевскій!

„Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:

„Боже-Спасъ оборонить насъ:

„Насыпай ты мису чиста серебра,

„Другую красна золота,

„Третью мису скатнаго жемчуга;

„Поѣдемъ со мной ко Калину царю,

„Со своими честными подарками, —

„Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведеть.“

Наряжлася князь тутъ поваромъ,

Замарался сажею котельною;

Поѣхали они ко Калину царю,

А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведеть.

Пріѣхалъ Илья ко Калину царю,

Въ его лагери татарскіе:

Сскочилъ Илья со добра коня,

Калину царю поклоняется,

Самъ говоритъ таково слово:

„А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!

„Прими наши дороги подарочки

„Отъ великаго князя Владиміра:

„Перву мису чиста серебра,

„Другую красна золота,

„Третью мису скатнаго жемчугу;

„А дай ты намъ сроку на три дня,

„Въ Кіевѣ намъ приуправиться,

„Отслужить обѣдни съ панихидами,

„Какъ де служить по усопшимъ душамъ,

„Другъ съ дружкой проститиса“.

Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:

— Гой еси ты, Илья Муромецъ!

— Выдайте вы намъ виноватаго,

— Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльница,

— Убилъ моего зятя любимаго“.

Говоритъ ему Илья таково слово:

„А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
„Прими наши дороги подарочки
„Отъ великаго князя Владиміра, —
„Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?“
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не даль сроку на три дня и на три часа,
Говорилъ Илья таково слово:
„Собака, проклятый ты Калинъ царь!
„Отойди съ Татарами отъ Кіева;
„Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Велѣлъ татарамъ схватить Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпкіи чембуры *) шелковые.
Втапору Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ Илья таково слово:
„Собака, проклятый ты Калинъ царь!
„Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева:
„Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ онъ Ильѣ во ясны очи:
— А Русскій людъ всегда хвастливъ, —
— Опутанъ весь будго лысый бѣсъ,
— Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ. —
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ, —
Не допускать Илью до добра коня,
И до его то до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи, —
Схватилъ Илья Татарина за ноги,

*) *Чембуръ*—поводъ уздечки, за который водать и вяжутъ коня.

Который ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татаринѣмъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежать,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
„А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
„А жиловать, собака, не изорвется“.
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та голова по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальныя Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣвахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина за бѣлыя руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
„Вась то, царей, не бьютъ, не казнятъ“.
Согнетъ его корчагою,
Вдмалъ выше буйныя головы своей,
Ударилъ его о горячъ камень,
Расшибъ его въ крошечки.
Достальныя Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
„Не дай Богъ намъ бывать во Кіевѣ,
„Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей!
„Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
„Одинъ человекъ всѣхъ Татаръ прибилъ“?
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатъева,
И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіимъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина,

*) *Кружало*—питейное заведеніе, кабакъ, гдѣ людей отъ вина «кружить».

Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названнымъ.

То старина, то и дѣянье.

2. Добрыня Никитичъ, богатырь-бояринъ.

А) Первая встрѣча Добрыни со Змѣемъ.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатый гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье-бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѣа Тимоѣевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Добрынѣ въ науку пошла;
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ.
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жары Петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
„Пусти меня, матушка, купатися,
„Купатися на Пучай рѣку“ *).

*) Пучай-рѣка—Почайна, притокъ Днѣпра, нынѣ не существующій, въ которомъ происходило крещеніе Кіевлянъ въ 988 году.

Она вдова многоразумная,
Добрыня матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
— Гой еси ты, чадо милое,
— А молодой Добрыня Никитичъ младъ!
— Пойдешь ты, Добрыня, на Пучай рѣку,
— На Пучай рѣкѣ станешь купатися, —
— Пучай рѣка быстрая,
— А быстрая она, сердитая:
— Не плавай, Добрыня, за первую струю,
— Не плавай, ты, Никитичъ, за другу струю. —
Добрыня-то матушки не слушался.
Надѣлъ на себя шляпу земли Греческой,
Надъ собой онъ, Добрыня, невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ Добрыня на Пучай рѣку,
Говорилъ онъ дружинишкѣ хораброей:
„А и гой еси вы, молодцы удалые!
„Не мнѣ воду грѣть, не тѣшити ее* *).
А всѣ молодцы разболочались; **)
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ, —
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ, —
А молодой Добрынюшка въ Пучай рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за первую струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;
Ни отколь тутъ взялся лютый звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ то говорить Горнычище,
А самъ онъ, змѣй, приговариваетъ:
— А стары люди пророчили,
— Что быть змѣю убитому
— Отъ молода Добрынюшки Никитича:

*) Т. е. не мнѣ первому идти въ воду.

**) Т. е. раздѣвались.

— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ!
Молился, Добрыня Нивитичъ младъ:
„А и гой еси, змѣище, Горынчище!
„Не честь, хвала молодецкая,
„На нагое тѣло напускаешься!“
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ,
А стали его ноги рѣзвья,
Молода Добрынюшка Нивитича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ добрый молодець,
А молодой Добрынюшка Нивитичъ младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли Греческой
Съ тѣми пески желтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Пучай рѣку;
Когда ли змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Схваталъ Добрыня дубину, убилъ змѣя до полусмерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на согнутую:
„Сушися, ты, змѣй Горынчище,
„На той-то осинѣ на согнутой!“
А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Пучай рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ;
Нашель въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,

У лютаго змѣща Горынчица,
Нашелъ онъ много злата-серебра,
Нашелъ въ палатахъ у змѣща
Свою онъ любимую тетушку,
Тою-то Марью Дивовну,—
Выводить изъ пещеры бѣлокаменны.
И собралъ злата-серебра,
Пошелъ къ матушкѣ родимой.
А матушки дома не годилося, *)
Сидить у князя Владиміра;
Пришелъ, де, онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко князю явиться.
Владиміръ князь запечалился,
Сидить онъ, ничего свѣтъ не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклоняется,—
У Добрыни вѣжество рожденное и ученое. **)
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги;
Хвата Добрынюшку Нивитича,
Цѣловалъ его въ уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его въ уста сахарныя,—
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни-выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
Говорить Добрыня таково слово:
„Ты гой еси, мой сударь дядюшка,
„Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
„А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ

*) Не случилось, не было.

**) Т. е. онъ родился вѣжливымъ, учтивымъ, обходительнымъ, да еще и
учился вѣжливости, обходительности.

„У лютаго змѣща Горнѣчища,
„А всю породу змѣвиную его я убилъ
„И дѣтей всѣхъ погубилъ,
„Родимую тетушку выручилъ“.
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтѣлъ, радощень,
Пошла то у нихъ пирь-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для той сестрицы родимыя—Марья Дивовны.

Б) Вторая встрѣча со Змѣемъ.

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь князя Владиміра
Три года Добрынюшка стольничаль,
А три года Никитичъ приворотничаль,
Онъ стольничаль, чашничаль девять лѣтъ,
На десятый погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленныхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ улицамъ,
По частымъ, по мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ *) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.
Зайдетъ въ улицу Игнатѣевску,
А въ тотъ переулокъ Марининъ,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея высокіе терема,
А у молодой Марины Игнатѣевны,
У ея на хорошець высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;

*) *Повалуша*—верхній низкій покой, комната для спанья.

Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются:
Тутъ Добрынь за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука, *)
Взвыла да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Лѣвая нога у него поскользнулась,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косячатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины **) серебряныя,
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое;
Бѣлодубовы столы пошатались,
Что питья медвяныя всплеснулись.
А втапору Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкій дворъ:
— А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ,
— Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
— Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
— Разшибъ зеркало стекольчатое?—
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе, ***)
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Съ тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палашатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ: ****)

*) *Спѣла тетива*—спущена стрѣла съ лука.

**) *Причалина*—навѣска окна, петля, а также крючья и задвижки.

***) Т. е. земли или песку со слѣдовъ.

****) Заговоръ на слѣды—одинъ изъ обычныхъ приемовъ, употребляемыхъ злыми колдунами и колдуньями, по народнымъ суевѣріямъ.

— Сколь жарко дрова разгораются
— Съ тѣми слѣды молодецкими;
— Разгоралось бы сердце молодецкое
— Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича!—
А и Божье крѣпко, вражье то лѣпко:
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣсть,
Со полуночи Никитичу не уснется.
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его то счастья *) великія,
Рано зазвонили къ заутренямъ:
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,—
А у молодой Марины вечеринка была:
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она молода Марина отказываетъ и прибраниваетъ.
Втапору Добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ Добрыня въ теремъ не пошелъ:
А стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять;
Завидѣлъ Добрыня онъ змѣя Горыныча,
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалось,—
Взбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна.

*) На его счастье.

А молодой Добрыня Никитичъ младъ
Ухватилъ бревно онъ въ обхватъ толщины,
И ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ *) изъ пята онъ вѣшибъ вонъ, **)
И вбѣжалъ онъ на сѣни косящаты;
Бросилась Марина Игнатьевна

Бранить Добрыню Никитича:

„Деревенщина ты, дѣтина, засельщина!

„Вчера съ ты, Добрыня, во дворъ заходилъ,

„Проломилъ мою оконницу стекольчатую,

„Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое“.

А бросится змѣище Горынчище,

Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,

И чуть его молодца хоботомъ не ушибъ. ***)

А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его,

Вольно пѣнати: „Не хочу я звать Добрынею,

„Не хочу величать Никитичемъ,

„Называю те дѣтиною деревенщиною и засельщиною:

„Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?

„Проломилъ ты оконницу стекольчатую,

„Разшибъ зеркало стекольчатое?“

Ему тутотко Добрыня за бѣду стало,

И за великую досаду показалось,

Внималъ саблю острую,

Воздымалъ выше буйны головы своей:

„А и хочешь ли тебя, змѣя, изрублю я

„Въ мелкія части пирожныя,

„Разбросаю далече по чисту полю?“

А и тутъ змѣй Горынчъ хвостъ поджалъ

Да и вонъ побѣжалъ.

Вбѣгучи онъ, змѣй, заглинается:

*) Неладно, грубо, не какъ слѣдуетъ.

**) Растворилъ настѣжъ.

***) Змѣй, съ которымъ нѣсколько разъ сталкивается и котораго поражаетъ усердный христіанинъ Добрыня,—какъ надо думать, представляетъ собою ямычество.

— Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
— Есть у нея не одинъ я другъ,
— Есть лучше меня и повѣжливѣе.—

А молода Марина Игнатьевна

Она высунулась по поясъ въ окно,

А сама она змѣя уговариваетъ:

„Воротись, милъ надежа, воротись, другъ!

„Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною:

„Станетъ, де, Добрыня на меня и на тебя возить?

„А еще, хошь,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?“ *)

Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,

Пустила его даже во чисто поле,

А гдѣ-то ходять девять туровъ,

А девять туровъ, девять братанниковъ,

Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,

Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Безвѣстно не стало богатыря молода

Добрыни Никитича

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.

А много, де, прошло поры, много времени,

А и не было Добрыни шесть мѣсяцевъ,

По нашему-то по Сибирскому—словеть полгода.

У великаго князя вечеринка была,

А сидѣли на пиру честныя вдовы,

И сидѣла тутъ Добрынина матушка,

А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,

Что Добрынина матушка крестовая.

Промежу собою разговоры говорятъ,

Все были рѣчи прохладныя.

Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,

Водилася съ молодцами княженецкими,

Она больно Марина упивалася,

Голова на плечахъ не держится,

Она больно Марина похваляется:

— Гой еси вы, княгини, боярыни!

*) Туръ—зубръ, волъ.

— Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
— А и нѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе,
— А и я, де, обернула девять молодцовъ,
— Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
— А и нынѣ я, де, отпустила десятого молодца,
— Добрыню Никитьевича,
— Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.—

За то-то слово изымается

Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Амелѣа Тимофеевна:
Наливала она чару зеленого вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
„Гой еси ты, любимая кумушка,
„Молода Анна Ивановна!
„А и выпей чару зелена вина,
„Поминай ты любимаго крестника,
„А и молода Добрыню Никитьевича:
„Извела его Марина Игнатьевна,
„А и нынѣ на пиру похваляется.“

Проговорить Анна Ивановна:

— Я, де, сама эти рѣчи слышала,
— А слышала рѣчи ея похваленныя.—

А и молода Анна Ивановна

Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
Сама она, Марину, больно бранить.
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое *):
Обернулась Марина косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходять девять туровъ,
Девять братаниковъ,
Добрыня-то ходить десятый туръ.

*) Т. е. пугливое.

А сѣла она на Добрыню, на правый рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
— Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
— Тебѣ чистое поле наскучило,
— И забучія болота напрокучили:
— А и хошь ли, Добрыня, жениться?
— Возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?—
„А право возьму, ей Богу возьму!
„А и дамъ тѣ, Марина, поученьце,
„Какъ мужья женъ своихъ учать“.
Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ,
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчались.
Пошли они ко городу ко Кіеву,
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:
„А и гой еси ты, моя молодая жена,
„Молода Марина Игнатьевна!
„У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
„Нѣту Спасова образа,
„Не кому у ты помолитися;
„Не за что стѣнамъ поклонитися;
„А и чай моя острая сабля заржавѣла?“,
А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молодую Марину Игнатьевну,
Еретицу и безбожницу;
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
„Эта рука мнѣ не надобна,—
Трепала она, рука, змѣя Горынчища“.
А второе ученье—ноги отсѣкъ.
А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А эти, де, губы не надобны мнѣ,—

„Цѣловали они змѣя Горынчица.“

Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

„А и эта голова не надобна мнѣ,

„И этотъ языкъ не надобенъ,—

„Зналъ онъ дѣла еретическія“.—

В) Отъѣздъ Добрыни изъ Кіева, его главные подвиги и возвращеніе.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,

Что у ласкова сударь князя Владиміра,

Было пированье, почестный цирь,

Было столованье, почестный столъ,

На многіе князи и бояра,

И на рускіе могучіе богатыри.

А и будетъ день въ половину дня,

И будетъ столъ во полу-столѣ,

Владиміръ князь распотѣшился,

По свѣтлой-gridнѣ показиваетъ,

Черны кудри расчѣсываетъ,

Таковы слова поговариваетъ:

„Есть ли въ Кіевѣ таковъ человекъ,

„Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,

„А кто бы сослужилъ службу дальнюю,

„А и дальну службу, заочную?

„Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя

„И очистилъ дороги прямоѣзжія

„До моего тестя любимаго,

„До грозна Этмануйла Этмануйловича,

„Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,

„Прекротилъ Сорочину долгополую,

„А и тѣхъ Червесь Пятигорскіихъ,

„И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,

„Чушки всѣ бы и Алюторы?“ *)

Втапоры большой за меньшаго хоронилися,

*) Рѣчь идетъ о разныхъ инородцахъ, соединяхъ Русской земли.

А отъ меньшаго ему князю отвѣта нѣтъ.

Изъ того было стола княженецкаго,

Изъ той скамьи богатырскія,

Выступается удалъ добрый молодець,

Молодой Добрыня Никитичъ младъ.

— Гой еси, сударь ты мой дядюшка,

— Ласковое Солнце, Владиміръ князь!

— Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,

— Быть мнѣ передъ княземъ невольникомъ: *)

— Я сослужу службу дальнюю,

— Службу дальнюю, заочную,

— Очищу дороги прямоѣзжія

— До твоего теста любимаго,

— До грозна короля Этмануйла Этмануйловича;

— А я вырублю Чудь бѣлоглазую,

— Прекрочу Сорочину долгополую,

— Да и тѣхъ Червесь Пятигорскіихъ,

— А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,

— Чукши всѣ и Алюторы.—

Втапоры Владиміръ князь

Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,

Подавали Добрынѣ Никитичу.

Принимаетъ онъ, Добрыня, единой рукой,

Выпиваетъ молодець единымъ духомъ

И турій рогъ меду сладкаго.

И пошелъ онъ Добрыня Никитичъ младъ

Съ княженецкаго двора къ своей сударушкѣ матушкѣ,

Проситъ благословеніе великое:

„Благослови меня, матушка,

„Матера вдова, Амелеа Тимофеевна,

„Бхать въ дальнія орды немирныя!

„Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,

„Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ“

Говорила ему матушка:

— На кого покидаешь ты молоду жену,

*) Когда нѣтъ охотниковъ, я по неволѣ пойду.

— Молоду Настасью Микулишну? *)
— Зачѣмъ же ты, дитятко, и брадь за себя?
— Что не прошли твои дни свадебные,
— Не успѣлъ ты отпраздновать радости своей,
— Да передъ княземъ расквастался въ походъ идти?—
Говорилъ ей Добрынюшка Никитьевичъ:
„А ты гой еси, моя сударыня матушка,
„Честна вдова Амелѣа Тимофеевна!
„Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
„Изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?“
И даетъ ему матушка благословеніе великое
На тѣ годы уреченные.
Прощается Добрыня Никитичъ младъ ,
Съ молодой женой, съ душой Настасьей Микулишной,
Самъ молодой женѣ наказываетъ:
„Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ,
„Ты жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
„Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
„Хоть за князя поди, хоть за боярина,—
„Не ходи только за брата моего названого,
„За смѣлаго за Алешу за Поповича,
„За бабьяго насмѣшничка, за судейскаго прелестничка!“
И поѣхалъ Добрыня Никитичъ младъ
Въ славныя орды немирныя.
А и ѣздить Добрыня въ тѣхъ немирныхъ ордахъ:
Рубить Чудь бѣлоглазую,
И тое Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
А и тѣхъ Калмыкъ съ Татарами,
И Чукши всѣ и Алюторы,—
Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.
Очистилъ дорогу прямоѣзжую

*) Добрыня, послѣ того какъ убилъ Марину, встрѣтилъ въ чистомъ полѣ великую-поленицу, младшую дочь Микулы Селяниновича, Настасью Микулишну и сразился съ ней. Онъ не побѣдилъ Настасью въ бою, но полюбился ей,—и она вышла за него замужъ.

До его *) теста любимаго
До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича.
А втапоры Настасьѣ шесть лѣтъ прошло;
И не мало время помѣшкавши,
Прошло ей, Миеулишиѣ, всѣ двѣнадцать лѣтъ.
А никто ужъ къ Настасьѣ не сватается,
Посватался Владиміръ князь стольно-кіевскій
А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ, солгалъ вѣсточку не радостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Сталъ Солнышко Владиміръ тутъ показивать,
Сталъ показивать, поговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой вдовой свой вѣкъ коротать?
„Поди замужъ хотъ за князя, хотъ за боярина,
„А хотъ за рускаго за могучаго богатыря,
„А хотъ за смѣлаго за Алешу Поповича“.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу во вѣнцу повезли.
Втапоры Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ градъ.
Старые люди переговаривають:
„Знать де полетѣа соволиная,
„Видать и поѣздаа молодецкая,
„Что бытъ Добрыниѣ Никитичу“!
И проѣхалъ молодець на вдовой дворъ,
Пріѣхалъ къ ней **) среди двора,
Скочилъ Добрыня съ добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ тому кольцу ко булатному.
Матушка его старехонька:
Некому Добрынюшки встрѣтити.
Походилъ Добрыня въ свѣтлу гридню,
Онъ Спасову образу молится,

*) Князя Владиміра.

**) Т. е. на дворъ своей матери.

Матушкѣ своей кланяется:

„А ты здравствуй, сударыня матушка,

„Матера вдова Амелѣа Тимофеевна!

„Въ домѣ ли, здорова ли женушка моя?“

Втапоры его матушка заплакала,

Говорила таковы слова:

„Гой еси, мое чадо милое!

„А твоя ли жена за мужъ пошла

„За смѣлаго Алешу Поповича:

„Нынѣ имъ у вѣнца стоять“.

И походить онъ, Добрыня Никитичъ младъ,

Къ великому князю повѣстися.

Втапоры Владиміръ князь съ тою свадьбою

Пріѣхалъ на свой княженецкій дворъ,

Пошли во грѣдни во свѣтлыя,

Садилися за столы за убраные.

Приходилъ тутъ Добрыня Никитичъ младъ.

Онъ молится Спасову образу,

Кланяется князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,

Кланяется и на всѣ четыре стороны:

„Здравствуй ты, осударь, Владиміръ князь

„Съ душой княгиней Апраксѣевной!

„Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ князю службу дальнюю,

„Съѣздилъ я въ орды немирныя,

„И очистилъ дорогу прямоѣзжую

„До твоего тестя любимаго,

„До грознаго короля Этмануѣла Этмануѣловича,

„Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,

„Прекротилъ Сорочину долгополюю,

„И тѣхъ Черкесь Пятигорскіихъ,

„А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,

„Чуеши всѣ и Алюторы“.

Втапоры за то похвалилъ князь Добрынюшку:

— Исполать тебѣ, добрый молодецъ,

— Что служишь князю вѣрою и правдою!—

Говорить тутъ Добрыня Никитичъ младъ:

„Что не дивую я разуму женскому,

„Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
„Ихъ *) куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
„Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ.
„А дивую я Солнышку Владиміру
„Съ душою княгинею Апраксѣвною:
„Солнышко Владиміръ тутъ сватомъ былъ,
„А княгиня была свахою,—
„Они у живаго мужа жену просватали!“
Втапоры Настасья Микулишна заплакала:
— Ты прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему навазу де я сдѣлала,
— Что за смѣлаго Алешеньку просваталась:
— Я просваталась за Алешеньку неволею.—
Она хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.
Говорилъ Добрыня Никитичъ младъ:
„А и ты, душа Настасья Микулишна!
„Прямо не скачи, не безчести столы,—
„Будетъ пора—кругомъ обойдешь!“
Взялъ ее за руку и вывелъ изъ-за убранныхъ столовъ,
Извинился князю Владиміру
Съ княгиней Апраксѣвной,
Да и смѣлому Алешѣ Поповичу,
Бабьему насмѣшничку, судейскому прелестничку,
Говорилъ таково слово:
„Гой еси, Алеша Поповичъ, названный братъ,
„Бабій насмѣшничекъ, судейскій прелестничекъ,
„Здравствуй, женившись, да не съ кѣмъ спать!“
Только Алешенька и женатъ бывалъ.

Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

*) Женщину.

3. Богатырь Алёша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясныя соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,—
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскачаго,—
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горячъ камень, *)
А на камени подпись подписана.
Взговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичъ!
„Въ грамотѣ поученный человекъ—
„Посмотри на камению подписи,
„Что на камению подписано“.
И скочилъ Екимъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на камению подписи,—
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромѣ лежитъ,
Другая въ Черниговѣ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:

*) «Бѣлыя горячыя камени» или просто «горячыя камени»—янтарь. Иногда въ народной повѣи онъ зовется—*Датырь—камень*, и ему приписывается чудодѣйственная сила. Янтаремъ изобилуетъ побережье Балтійскаго моря, но его находили довольно большими кусками и на правомъ берегу Днѣпра.

— А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,
— Которою дорогою изволишь ѣхать?—
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Лучше намъ ѣхать къ городу ко Кіеву,
„Ко ласкову князю Владиміру“.
Втапору поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Не доѣхавши они до Сафать рѣки,
Становились на лугахъ на зеленныхъ:
Надо Алешѣ накормить добрыхъ коней.
Разставили тутъ два бѣлыхъ шатра;
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшавши,
Молодой Екимъ-то добры кони
Стреноживши въ зеленъ лугъ пустилъ;
Самъ ложился въ свой шатерь опочивъ держать.
Прошла та ночь осенная,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарей умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафать рѣку;
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ валика переходій;
Лапотки у него семи шелковъ,
Подковырени чистымъ серебромъ,
Личико *) унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,

*) Передокъ.

Шляпа Сорочинская, *) земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга **) подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго.

Говорить калика таково слово:

„Гой вы еси, удали добры молодцы!

„Видѣлъ я Тугарина Зиѣевича:

„Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,

„Промежъ плечей косая сажень,

„Промежу глазъ калена стрѣла;

„Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,

„Изъ хайлица ***) пламень пышетъ,

„Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ“. ****)

Привязался Алеша Поповичъ младъ:

— А и ты, братецъ, калика перекожая!

— Дай мнѣ платье каличее,

— Возьми мое богатырское:

— Лапотки свои семи шелковъ,

— Подковырены чистымъ серебромъ,

— Личико унизано краснымъ золотомъ,

— Шубу свою соболиную, долгополую,

— Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,

— Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,

— Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго:—

Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу,

Не отказываючи; а на себя надѣвалъ

То платье богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается—

И взялъ шелепугу дорожную,

Котора была въ пятьдесятъ пудъ,

И взялъ въ запасъ кинжалище булатное,

Пошелъ за Сафатъ рѣву.

*) Сарацинская, арабская.

**) Кистень.

***) *Хайлице*—пасть.

****) *Тугаринъ Зиѣевичъ*, подобно Змию Горынычу,—олицетвореніе злычства и нечистой силы.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,—
Подрогнула дубравушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика переходжаа!
„А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
„Про смѣлаго Алешу Поповича?
„А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
„Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.“
Говоритъ тутъ Алеша каликою: *)
— А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
— Поѣзжай поближе ко мнѣ,
— Не слышу я, что ты говоришь.—
И подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Сверстался **) Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову,—
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапору взмолился Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
„Гой ты еси, калика переходжаа!
„Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
„Только ты Алеша Поповичъ младъ, ***)
„Семъ побратуемся съ тобой“.
Втапору Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапору увидѣли Екимъ Ивановичъ

*) Т. е. представляясь каликою, какъ будто онъ—калика.

**) *Сверстался*—поровнялся.

***) «Только» вместо «если»: «если ты точно Алеша Поповичъ, то»...

И калика переходяя,
Испужались его, *) сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову,—
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ,
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себѣ,—
Показалось ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ,—
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкесскаго,
И упалъ онъ **) на сыру землю.
Втапору Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ переходяму:
„По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
„Что убилъ своего братца родимаго“.
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
И отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное.
Клади въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней,
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Соскочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пришли во свѣтлы гридни,

*) Принялъ его, по платью, за Тугарина Змѣевича, и потому испугался.

**) Т. е. Алеша Поповичъ, котораго сшибъ Екимъ Ивановичъ.

Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомя, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣвнѣ,
И на всѣ четыре стороны.

Говорилъ имъ ласковый князь Владиміръ:
— Гой вы еси, добры молодцы!
— Скажитесь, какъ васъ по имени зовуть?
— А по имени вамъ можно мѣсто дать,
— По изотчеству можно пожаловати.

Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Меня зовуть, сударь, Алешкою Поповичемъ,
„Изъ города Ростова я, сынъ попа соборнаго“.

Втапору Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
— Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
— По отчеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголь,
— Пожалуй живи ты въ Кіевѣ,
— Служи мнѣ князю Владиміру,
— До любви *) тебя пожалую.—
Втапору Алеша Поповичъ послушался,
Сталъ служить князю вѣрою и правдою.

То старина, то и дѣянье.

4. Василій Игнатьевичъ Долгополый, богатырь-дьякъ.

А) Василій Игнатьевичъ посломъ ѣдетъ.

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова было князя Владиміра,
Столованье было, пированье, почестный пирь.
Говорить батюшка Владиміръ князь:

*) Т. е. буду любить тебя и жаловать.

„Ой ты гой еси, Василий сынъ Игнатьевичъ!

„У меня тебѣ, Василью, служба явленная,—

„Ѣхати Василью въ Большую орду,

„Въ большую орду Заоданскую

„Ко царю ли ко Заоданскому,

„Везти ли тебѣ дани, везти пошрины:

„Везти тебѣ двѣнадцать ясныхъ соколовъ,

„Везти тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,

„Везти тебѣ миса красна золота,

„Везти тебѣ миса чиста серебра,

„Везти тебѣ миса скатна жемчуга„.

Василій отъ того не отпирается:

— Ахъ ты гой еси, батюшка Владиміръ князь.

— Куда меня пошлешь, я тебѣ радъ служить;

— Только дай ты мнѣ въ товарищи

— Молода Добрыню Никитича“.

Не брали они ни дани, ни пошрины,

Ухватили лучишко дорожное; *)

Поѣхали ребята не воротами

Скочили черезъ стѣну городовую,

Черезъ тѣ башни наугольныя.

Приѣхали ребята въ землю Заоданскую,

Приѣхали къ царю Заоданскому.

Остался Добрыня на новыхъ стѣнахъ,

Въ палаты пошелъ Василій, сынъ Игнатьевичъ,

Ко царю, ко Заоданскому:

„Ой ты гой еси, Заоданскій царь!

„Изволь принять дани и пошрины:

„Изволь принять двѣнадцать ясныхъ соколовъ,

„Изволь принять двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,

„Изволь принять миса чиста золота,

„Изволь принять миса чиста серебра,

„Изволь принять миса скатна жемчуга,

„Отъ ласкова князя Владиміра!“

Говорить ему царь Заоданскій:

*) Дорожный плохонькій лугъ.

— Ахъ ты гой еси, Василий сынъ Игнатъевичъ!

— Есть ли у васъ таковы умилны *) игроки:

— Поиграть бы въ тавлѣи во вальящеты?“. **)

Отвѣчаетъ Василий Игнатъевичъ:

„Ахъ ты гой еси, Заоданскій царь!

„Я не зналъ охоты твоей царскія,

„Не бралъ изъ города умилныхъ игроковъ;

„А надѣюся на Спаса, на Пречистую,

„На матушку на Божью Богородицу,

„Надѣюсь на брата на названого,

„На млада на Добрынюшку Никитича:

„Съ измалехонька Добрынюшка тѣшилса,

„Съ малыми ребятами игрывалъ“.

Кликнули Добрыню Никитича.

Подернули столы бѣлодубовые,

Раздернули тавлѣи вальящеты.

Первую тавлеюшку царь ступилъ,

Другую тавлеюшку Добрыня Никитичъ младъ;

Третью тавлеюшку царь ступилъ,

Четвертую Добрыня Никитичъ младъ:

Больше царю ступить вѣкуда;

Та игра была проиграна.

Внѣво бьетъ челомъ Василий сынъ Игнатъевичъ:

„Ой ты гой еси, Заоданскій царь!

„Изволь принять дани и пошлины:

„Двѣнадцать ясныхъ соколовъ,

„Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,

„Миса красна золота,

„Миса чиста серебра,

„Миса скатна жемчуга,

„Отъ ласкова князя Владиміра“.

Говоритъ ему Заоданскій царь:

— Ахъ ты гой еси, Василий сынъ Игнатъевичъ!

— Есть ли у васъ таковы умилны борцы:

*) Умилны—умѣльны, т. е. искусные, умѣющіе хорошо играть.

**) Рѣзныя шашки или шахматы.

— Поборолись-бы съ борцами-Татарами?—

Отвѣчаетъ Василій сынъ Игнатьевичъ:

„Охъ ты гой еся, Заоданскій царь!

„Я не зналъ, право, охоты твоей царскія:

„Не бралъ изъ города умильныхъ борцовъ;

„А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,

„На Матушку на Божью Богородицу,

„Надѣюсь на брата на названнаго,

„На молода Добрынюшку Никитича!“

„Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,

„Съ молодыми ребятишками бѣривался“.

Крикнули Добрыню Никитича;

На улкѣ *) у царя ходять три борца,

Три борца, три Татарина:

Дружка дружку за воротъ похватываютъ,

Дружка дружку на земь побрасываютъ.

Спускается Добрыня со красна крыльца,

Въ одномъ спускается однорядочѣ: **)

„Ахъ ты гой еси, Заоданскій царь!

„Какъ прикажешь мнѣ боротися:

„Со всѣми ли вдругъ, или по одиночѣ?“

Говорить Заоданскій царь:

— Охъ ты гой еси, Добрыня Никитичъ младъ!

— Ты какъ изволишь, такъ и борись!—

Добрыня взялъ перваго Татарина за воротъ,

Втораго Татарина взялъ за голову,

Третьяго Татарина взялъ за волосы,

Бросилъ ихъ о сыру землю,

Зашибъ до смерти, до скорня:

Та борьба поборота,

Внѣво бьетъ челомъ Василій сынъ Игнатьевичъ:

„Ой ты гой еси, Заоданскій царь!

„Изволь принять дани и пошлины:

„Двѣнадцать ясныхъ соколовъ

*) На улкѣ.

**) *Однорядокъ*—однорядная одежда.

„Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
„Миса красна золота,
„Миса чиста серебра,
„Миса скатна жемчуга,
„Отъ ласкова князя Владиміра!“
Говорить ему Заоданскій царь:
— Ахъ ты гой еси, Василиій сынъ Игнатъевичъ,
— Есть ли у васъ таковы умильны стрѣльцы:
— Пострѣляли бы изъ нашихъ тугихъ луковъ?
Отвѣчаетъ Василиій сынъ Игнатъевичъ:
„Ахъ ты гой еси, Заоданскій царь!
„Я не зналъ, право, охоты твоей царскія,
„Не брать изъ города умильныхъ стрѣльцовъ;
„А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,
„На Матушку на Божью Богородицу,
„Надѣюсь на брата на названого,
„На млада Добрынюшку Никитича:
„Съ измалѣхонька онъ тѣшился,
„Изъ маленькихъ лучишекъ пострѣливалъ“.
Кликнули Добрыню Никитича.
На ѹлкахъ у царя несутъ тугой лукъ:
Подъ конецъ несутъ его сто Татаровей,
Подъ другой несутъ другое сто,
Подъ середочку третье сто;
Всѣ идутъ Татарове—покрѣхтываютъ.
Береть лукъ Добрыня ручкой правою,
Кладеть ли Добрыня подъ ножку подъ лѣвую,
Съ лѣвыя ножки на право плечо:
Заскрипѣли только полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у туга лука,
Поломалась полоса булатная,
Съ бедра Добрыня бросилъ лукъ о землю:
„Ахъ ты гой еси, Заоданскій царь!
„Что ты мнѣ этакой то лукъ принесъ?
„Ахъ вы гой еси, слуги Татарове!
„Тащите-ка мое лучишко дорожное,
„Дорожное лучишко, завѣзное!

Береть Добрыня ручкой правою,
Кладеть Добрыня подь ножку подь лѣвую:
Защелкала тетивочка шелковая,
Потянулся у Добрыни тугой лукъ;
Наложилъ Добрыня стрѣлку валеную.
Говорить Добрыня Никитичъ младъ:
„А ты гой еси, Заоданскій царь!
„Ты куда прикажешь изъ лука стрѣлать?
„По Татаровамъ стрѣлать или въ чисто поле,
„Въ матерое дубово дерево?“
Отвѣчаетъ Заоданскій царь:
— Ахъ ты гой еси, Добрыня Никитичъ младъ!
— Ты куда позволишь, туда и стрѣлай.—
Разжалился стрѣлать Добрыня по Татаровамъ,
Стрѣлялъ онъ далече во чисто поле,
Въ то ли во матерое во дубово дерево,
Разшибъ дубъ-дерево въ черенье во ножевое;
Еще стрѣла не уходилася,—
Залетѣла стрѣла въ пещеру бѣлокаменную,
Убила змія троеглаваго.
Скочили ребята на добрыхъ коней;
Не дали ребята ни дани, ни пошлины;
Уѣзжали ребята въ стольный Кіевъ градъ.

Б) Василій Игнатьевичъ гуляетъ.

Изъ-подъ той сподъ восточныя сторонушки
Найдеть Батыга Батыговичъ,
Съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
Съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ;
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей.
Обступили округъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ:
Соколу летѣть на меженный день, *)

*) Т. е. длинный лѣтній день.

Маленькой птичкѣ не пролетѣть.
Не случилось во Кіевѣ богатырей,
Одна объявилась голь кабацкая.
По гулямъ гулялъ *) во двѣнадцать лѣтъ
Василій Долгополый сынъ Игнатьевичъ.
Приводили Василья ко князю Владиміру.
Говорилъ Василій таковы слова:
„Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
„Налей-ка чару опохмѣльную,
„Опохмѣль валику перехожую.
„Постою я за славенъ Кіевъ-градъ
„И за домъ Пресвятыя Богородицы,
„И за тую вѣру христіанскую“.
Наливали ему чару зелена вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду яраго,
Сливали питье въ одно мѣсто,
Объявилось питья полтора ведра.
Взимаетъ Васильюшка одной рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ.
Онъ направлявалъ лукъ—калену стрѣлу,
Налагалъ то стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ Василій во Батыгинимъ шатрамъ,
Убилъ онъ наилучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова.
Стали въ Кіевѣ виноватаго искать,
Нашли то Василья въ кабаѣ на печи,
Приводили Василья къ Батыгѣ на лицо;
Говорилъ Василій таковы слова:
„Ты прости меня, Батыга, во большой во винѣ.
„Убилъ я наилучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
„Убилъ сына Батыга Батыговича,
„Убилъ зятя Тараканчика Корабликова.
„Опохмѣль-ка ты, Батыга, чарой хмѣльнаго,

*) Т. е. кутилъ, пьянствовалъ.

„Пособлю-ка я тебѣ взять славенъ Кіевъ-градъ!
На тыя рѣчи Батыга приокинулся:
Наливаетъ ему чару зелена вина,
Другую сливаетъ пива пьянаго,
Третью чару меду яраго,
И сливали питье во едино мѣсто:
Объявилось питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.
Взимаешь Васильюшка одной рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ,
Говорить Василій таково слово:
„Я могу теперъ владать добрымъ конемъ,
„Я могу теперъ махать вострой сабелькой“.
Поѣхалъ Васильюшка въ чисто поле гулять,
Зачалъ по полюшке наѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати;
Разгорячилось у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая:
Прирубилъ онъ силушку Батыгину,
Прирубилъ, пригубилъ до единой головы;
Отъ него Батыга въ побѣгъ пошелъ,
Побѣжалъ старый песъ, заклинается:
„Не дай то Богъ бывать на Святой Руси,
„Ни мнѣ-ка, ни дѣтамъ, ни внучатамъ“!

5. Михайло Пѣтыкъ *) Ивановичъ, богатырь-бродяга.

А) Сорокъ каликъ со каликою.

Ходили калики переходя изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою,
Лапотики на ножкахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Въ рукахъ были дрюки кости рыбака,

*) *Пѣтыкъ* отъ *пѣтыкаться*, слоняться по міру.

На головушкахъ были шляпки земли Греческой.
Собиралися сорокъ каликъ со каликою
Ко святому граду Иерусалиму,
Становилися во единый кругъ,
Они думали думушку крѣпкую:
Выбирали большого атамана,
Молода Пѣтыка Михаила Ивановича.
А и молодой Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ
Бладеть онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
„А иди намъ, братцы, дорога не ближняя,
„Иди будетъ ко городу Иерусалиму,
„Святой Святѣнѣ помолитися,
„Господню гробу приложитися,
„Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
„Нетлѣнной ризой утеретися;
„Иди селами и деревнями,
„Городами тѣми съ пригородками;
„А въ томъ то вѣдь заповѣдь положена:
„Кто украдетъ или кто солжетъ,
„Не скажетъ большому атаману,
„Атаманъ про то провѣдаетъ,—
„Едина оставить въ чистомъ полѣ
„И окопать по плечи въ сыру землю“.
И въ томъ то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки изприложены.
Пошли калики въ Иерусалимъ градъ.
А идутъ недѣлю ужъ сподраду,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
Идутъ сверхъ тое рѣки Черегя,
На его потѣшныхъ на островахъ,
Что великаго князя Владиміра;
А и вышли они изъ раменья, *)

*) *Раменье*—лѣсъ, граничащій съ полями, съ пашней; отъ *рама*—меша, граница.

Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь.
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ утокъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;
Приходилось ему ѣхати по близости;
Завидѣли его калики переходя, —
Становились во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Вскричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.
Князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, —
Они то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ души спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой вы еси, калики переходя!
„Хлѣбы съ нами завозныя,
„А и денегъ съ нами не годилось; *)
„А и ѣзжу я, князь, за охотою,
„За зайцами, за лисицами,
„И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,
„Перелетныхъ малыхъ утокъ.
„Изволите вы идти во Кіевъ градъ,
„Ко душѣ княгинѣ Апраксѣвнѣ:
„Напойте, накормите васъ добрыхъ молодцовъ,
„Надѣлать васъ въ дорогу злата-серебра“.
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву.

*) Натъ, не случилось.

А и будутъ въ городѣ Кіевѣ
Среди двора княженецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Подсумочья рыта бархата;
Вскричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
Въ погребахъ питья всколебался.
Становилися во единый кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣвны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ въ свѣтлу гридню;
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Михайлу Пѣтыгу Ивановичу
Со всѣми его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣвнѣ.
А и тутъ Михайло не ослушался,
Походилъ во гридню свѣтлую
Со всѣми своими товарищами.
Они Спасову образу молятся,
Молодой княгинѣ поклоняются.
Молодой Михайло Пѣтыкъ Ивановичъ
Садился въ мѣсто большее;
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка краснаго,
Лучи стоятъ великіе.
Убрались тутъ всѣ добры молодцы,
А и тѣ калики переходя,
За тѣ столы убраные;
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;

Понесли то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя;
А и тѣ калики переходя
Сидятъ за столами убранными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время часъ-другой,
Въ третьемъ часу подымались,
Поднявшись они Богу молятся,
За хлѣбъ, за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чапникамъ;
А того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣевны,
Надѣлила бѣ на дорогу златомъ-серебромъ
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алешеньку Поповича
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ переходящихъ,
Чтобъ не идти имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алеша уговаривати
Молода Михайла Пѣтныка Ивановича.
Молодой Михайло Пѣтныкъ Ивановичъ
Отказалъ онъ Алѣшѣ Поповичу.
На то княгиня осердилася,
Посылаетъ Алешеньку Поповича,
Прорѣзати бы Потнеу суму рыта бархата,
Запихати бы въ суму чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на прїѣздѣ пьетъ.
Алеша то догадливъ былъ,
Распоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладехонько;
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
А идутъ калики не оглянутся,

Отошли они съ десятокъ верстъ
Отъ стольнаго города отъ Кіева,—
Молода княгиня Апраксѣвна
Посылаетъ Алешу въ погонь за ними.
А молодой Алеша захлѣпшевый былъ,—
У Алешеньки вѣжество не рожденное,—
Онъ настигъ каликъ въ чистомъ полѣ,
Онъ и сталъ съ каликами спорити,
Обличаетъ ворами-разбойниками:
„Вы то, калики, бродите по міру по крещеному,
„Кого обкрадете-своимъ зовете!
„Покрали княгиню Апраксѣвну,
„Унесли вы чарочку серебряну,
„Которой чарочкой князь на прїѣздѣ пьетъ“.
А въ томъ калики не даются ему,
Захлѣпшевому Алешѣ Поповичу,
Не давали ему на обыскъ себя.
Поворчалъ, побранился Алешенька,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
И такъ прїѣхалъ въ стольный Кіевъ градъ.
Въ то же время и въ тотъ же часъ
Прїѣхалъ князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрыня Никитичъ младъ:
Молода княгиня Апраксѣвна
Позоветь Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами,
За Михайломъ Пѣтыкомъ Ивановичемъ.
Втапору Добрынюшка не послушался
Скоро поѣхалъ въ чисто поле.
У Добрыни вѣжество рожденное и ученое,—
Настигъ онъ каликъ въ чистомъ полѣ,
Скочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
„Гой еси, Михайло Пѣтыкъ Ивановичъ!
„Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра,
„Прикажи обыскать калики переходя,
„Нѣту ли промежу васъ глупаго?“
Молодой Михайло Пѣтыкъ Ивановичъ

Становилъ каликъ во единый кругъ,
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать,
Отъ малаго обыскивать до стараго,
Отъ стараго и до большаго атамана,
До себя Михайла Ивановича.
Нигдѣ то чарочки не явилоса,
У молодаго Михайла пригодилася *).
Принимались калики за ту заповѣдь великую:
Закопали атамана по плечи во сыру землю,
Едина во чистомъ полѣ оставили
Молода Михайла Пѣтыча Ивановича;
Отдавали чарочку серебряну
Молодцу Добрынь Никитичу,
И съ нимъ написанъ виноватый тутъ
Молодой Михайло Пѣтычъ Ивановичъ.
Добрыня онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики пошли въ Іерусалимъ градъ;
Молодой Михайло Пѣтычъ Ивановичъ
Съ ними каликами прощася.
Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца;
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ,
Святой Святинѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Въ Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
Неглубиною ризою утиралися,
А все то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Михайла Пѣтыча Ивановича.
А и тутъ калики не замѣшкались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владиміру;
А идутъ назадъ два мѣсяца,
На то мѣсто не угодили они,

*) Оказалась, нашлась.

Обошли маленько сторонкою
Его, молода Михайла Пóтыка Ивановича.
Голосокъ наносить помалехоньку,
А и тутъ калики остоялися, *)
А и мѣсто стали разглядывать;
Подалися малехонько—и увидѣли
Молода Михайла Пóтыка Ивановича.
Онъ ручкой машеть, голосомъ кричитьъ;
Подошли калики перехожія,
Пришли всѣ они, поклонилися,
Поклонилися, стали здраствовать.
Подаетъ Михайло ручку правую,
А они то къ ручкѣ приложилися,
Приложилися, съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ то калики къ нему переходили.
Молодой Михайло Пóтыкъ Ивановичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда;
А всѣ, калики, дивуются,
На его на лицо молодецкое
Не могутъ глядѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкіе до самаго пояса.
И стоялъ Михайло не мало времени,
Стоялъ онъ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцевъ будетъ полгода.

Б) Женитьба и кончина Михайла Пóтыка Ивановича.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ
На три братца названые,
Свято-русскіе могучіе богатыри,
А на перваго братца названаго—
Свято-русскаго могучаго богатыря

*) Остановилась.

На Пётъка Михайлу Ивановича,
На другаго брата названаго—
На молода Добрыню Никитича,
На третьяго брата названаго—
Что на смѣлаго Алешу Поповича.

Что возговорить тутъ Владиміръ князь:

„А и ты гой еси, Пётъкъ Михайло Ивановичъ!“

„Сослужи мнѣ службу заочную,

„Съѣзди ты ко морю синему,

„На теплыя тихи заводи,

„Настрѣлай мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,

„Перелетныхъ малыхъ уточекъ,

„Еъ моему столу вняженецькому;

„До любви я молодца пожалую“.

Пётъкъ Михайло Ивановичъ

Не пьетъ онъ, молодець, ни пива, ни вина,

Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.

А скоро-де садился на добра коня,

И только его и увидѣли,

Какъ молодець за ворота выѣхалъ,—

Въ чистомъ полѣ лишь пылъ столбомъ.

Онъ будетъ у моря синяго,

На его то на счастья на великія

Привалила птица къ круту берегу.

Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей

И перелетныхъ малыхъ уточекъ,

Хочетъ ѣхать отъ моря синяго—

Посмотрѣть на тихія заводи,

И увидѣлъ бѣлую лебедушку;

И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,

Калену стрѣлу въ правую,

Накладываетъ на тетивочку шелковую;

Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,

Калену стрѣлу семи четвертей,

Заскрипѣли полосы булатныя

И завыли рога у туга лука,

А и чуть было спустить калену стрѣлу,

Провѣщится ему лебедь бѣлая,

Авдотьюшка Лиховидьевна:

„А и ты, Пѣтыкъ Михайло Ивановичь!

„Нѣ въ кое время *) пригожуся тебѣ“.

Выходила она на крутой бережокъ,

Обернулася душой красной дѣвицей.

А и Пѣтыкъ Михайло Ивановичь

Воткнетъ копье во сыру землю,

Привязалъ онъ коня за остро копье,

Схватилъ дѣвицу за бѣлы ручки

И цѣлуетъ ее въ уста сахарныя.

Авдотьюшка Лиховидьевна

Втапоры больно его уговаривала:

„А и ты, Пѣтыкъ Михайло Ивановичь!

„Хотя ты на мнѣ и женишься,

„И кто изъ насъ прежде умретъ,

„Второму за нимъ живому во гробъ иди“.

Втапоры Пѣтыкъ Михайло Ивановичь

Садился на своего добра коня,

Говорилъ таковѣ слово:

— А и ты гой еси, Авдотья Лиховидьевна!

— Будемъ въ городѣ Киевѣ,

— Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ;

— И ты втапоры будь готовая,

— Приходи къ церкви соборныя,

— Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое. —

И скоро онъ поѣхалъ къ городу Киеву отъ моря синяго;

Авдотьюшка Лиховидьевна

Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Киевъ градъ

Ко своей сударинѣ матушкѣ,

Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.

Пѣтыкъ Михайло Ивановичь

Нигдѣ не мѣшалъ, не стоялъ;

Авдотьюшка Лиховидьевна

Перво его въ свой домъ ускорить могла, —

*) Въ нѣкое, въ нѣкоторое время, когда нибудь.

И сидитъ подѣ окошкѣмъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;

А Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ

Ѣдетъ, самъ дивуется:

А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,

А она перво меня въ домѣ появилась.

И прѣхалъ онъ на княженецкій дворъ,

Приворотники доложили стольникамъ,

А стольники князю Владиміру,

Что прѣхалъ Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ.

И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать,—

Скоро Пѣтыкъ скочилъ со добра коня,

Поставилъ коня ко крылечку красному,

Походить во грядню свѣтлую,

Онъ молится Спасову образу,

Поклонился князю со княгинею,

И на всѣ четыре стороны:

„Здравствуй ты, ласковый сударь, Владиміръ князь!

„Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,

„Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,

„Перелетныхъ малыхъ уточекъ,

„И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,

„Авдотьюшку Лиховидьевну,—

„Къ вечернѣ быть въ соборѣ

„И съ ней обрученъе принять.

„Гой еси, ласковый сударь, Владиміръ князь!

„Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой

„На три брата названые,

„А нынѣ для меня одного

„Доспѣй свадебный пиръ веселый,

„Для Пѣтыка Михайла Ивановича“...

А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ въ колоколь ударили,

Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ къ вечернѣ пошелъ;

Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна

Скоро втапору наряжалася и убиралася,

Убравшись къ вечернѣ пошла.

Ту вечерню отслушали,

А и Пётрыкъ Михайло Ивановичъ
Соборнымъ попомъ поклоняется,
Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученъе принять;
Эти попы соборные
Тому они дѣлу радошны, *)
Скоро они обрученъе сдѣлали,
Тутъ обвѣнчали ихъ и привели къ присягѣ такой.
Кто перво умреть,
Второму за нимъ живому въ гробъ идти.
И походить онъ Пётрыкъ Михайло Ивановичъ
Изъ церкви вонъ со своею молодой женой,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
На тотъ широкій дворъ ко князю Владимиру;
Приходить во свѣтлы гридни.
И тутъ имъ князь сталъ весель, радошень,
Сажалъ ихъ за убранны столы.
Втапору для Пётрыка Михайла Ивановича столъ пошелъ:
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвянныя,—
А и тутъ пили, ѣли, прохладжались,
Предъ княземъ гости похвалялися;
И не мало время замѣшкавши,
День къ вечеру вечерается,
Красное солнце закатается,
Пётрыкъ Михайло Ивановичъ
Спать въ подклѣтъ убирается;
Свели его во гридню спальную;
Всѣ тутъ гости князи и бояре развѣхалися,
Развѣхалися и пѣшкомъ разбрелися.
А у Пётрыка Михайла Ивановича
Съ молодой женой Авдотей Лиховидьевной
Не много житья было, полтора года,
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ,
Надъ Пётрыкомъ Авдотья Лиховидьевна;

*) Они рады свадьбѣ.

Была она еретница, приворотница.
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Уходилъ онъ во царевъ кабакъ,
Сталъ онъ упиваться въ зелено вино.
На тую на пору на времячко
Захворала Авдотья Лиховидьевна;
Съ вечеру она расхворается,
Съ полуночи разболѣлася,
Къ утру и преставилася.

А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Сидить-пѣть да прохлаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
И приходитъ во царевъ кабакъ
Илья Муромецъ Ивановичъ;
Говорилъ Илья таковы слова:

„Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
„Ты пьешь зелено вино, прохлаждаешься,
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь;
„А твоя то молода жена,
„Авдотья ли Лиховидьевна,
„Съ вечера расхворалася,
„Ко полуночи разболѣлася,
„Ко утру и преставилась“.

Рано зазвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ Пóтыкъ соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла у него молода жена;
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на саняхъ привезти
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти;
А и тутъ стали могилу копать;
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень;
Собиралися тутъ попы со дьяконами
И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Пóтыкъ Михайло Ивановичъ

Съ конемъ и сбруею ратною
Опустился въ тоежь могилу глубокую.
И заворочали потолокомъ дубовымъ,
И засыпали песками желтыми,
И надъ могилую поставили деревянный крестъ,—
Только мѣсто оставили веревкѣ одной
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ Пёткъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи,
И для страху, добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,
Собиралися къ нему всѣ гады змѣинне,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламенъ огненнымъ;
А Пёткъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапору она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася,
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколь.
И услышалъ трапезникъ,
Вѣжить тутъ къ могилѣ Авдотьиной,
Ажно тутъ веревка изъ могилы къ колоколу торгается;
И собираются тутъ православный народъ,
Всѣ тому дивуются,
А Пёткъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ.
И разрывали тое могилу наскоро,
Опускали лѣстницы долгія,
Вынимали Пётка и съ добрымъ конемъ
И со его молодой женой.

И объявили князю Владиміру
И тѣмъ поамъ соборнымъ,
Поновили ихъ святой водой,
Приказали имъ жить по старому.
И какъ Пѣтыкъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и преставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
Его Пѣтыка похоронили,
А его молодую жену Авдотью Лиховидьвену
Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю;
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.
То старца, то и дѣянье.

6. **Ставрѣ Годиновичѣ, богатырь-бояринѣ, и жена его Василиса Микулишна, богатырь-женщина. *)**

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ—пированьице
На всѣхъ на князей и бояръ,
На русскіихъ могучихъ богатырей.
Красно солнышко на вечера,
Всѣ молодцы пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались,
А только сидитъ Ставрѣ сынъ Годиновичѣ,
Не ѣсть, не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,

*) Мы уже знаемъ, что младшая дочь Микулы Селянниновича, *Настасья*, была замужемъ за Добрыней; а старшая, *Василиса*, была жена боярина Ставра Годиновича. Обѣ были могучіе богатыри, но богатырство не мѣшало имъ быть добрыми и любящими женами.

По свѣтлой по гриднѣ показиваетъ,
Правой ручкой помахиваетъ,
Таковы слова выговариваетъ:
„Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиповичъ!
„Ты съ богатой земли Ляховецкія:
„Что же ты сидишь, самъ не хвастаешь?
„Или нечѣмъ молодцу похвастати?“
Возговорить Ставеръ сынъ Годиповичъ:
— Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
— Еще есть у Ставра чѣмъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,
— Мои добрые конюшки не держатся,
— Моя золота казна не тощится. *)
— Да еще есть у Ставра чѣмъ похвастати:
— Есть у Ставра молода жена,
— Молода Василиса Микулишна:
— Всѣхъ то князей—бояръ приобманеть,
— Самого тебя Владиміра съ ума сведеть.—
Возговорить тутъ мелкая чета,
Мелкая чета, князья-бояра:
„Ай же, солнышко Владиміръ князь!
„Эка у Ставра молода жена!
„Засади его въ погреба глубокіе.
„Во глубоки погреба сорока сажени,
„Пусть-ка онъ оттоль выступить!“
Взяли Ставра сына Годиповича
За его за рученьки за бѣлья,
Засадили въ погреба глубокіе.
Провѣдала его молода жена,
Молода Василиса Микулишна,
Что ея любимый мужъ Ставръ Годиповичъ
Въ полону сидитъ въ погребѣ холодномъ.
Потупила она очи во сыру землю,
Думаетъ думушку женскую,
А удачу думаетъ молодецкую:

*) Не истощается, не оскудѣваетъ.

„Что за боемъ мнѣ не взять Ставра,—
„Могу ли я взять думушкой женскою
„И удачей молодецкою?“
И брала ножницы нѣмецкія,
И садилась на рѣшетчатъ стулъ,
И постригла волосы по мужеску,
Сварядилась прекраснымъ царевичемъ,
Молодымъ Васильемъ Микуличемъ,
Снарядилась къ князю ко Владиміру:
И сѣдлала она добра коня,
Кладала потнички на потнички,
Кладала войлочки на войлочки,
На верхъ кладала сѣделко окованное,
А застегивала двѣнадцатью подпругами,
Двѣнадцатью подпругами шелковыми,
Шелку то было заморскаго,
Заморскаго шелку шемаханскаго;
Пражицы то были мѣдныя,
Мѣди были казанскія;
Шпеньчики были булатные,
Булата были иверьянскаго.
И не для ради красы молодецкія,
А для ради укѣрпы богатырскія,
Брала она свои латы кольчужныя,
И мечъ-кладенецъ, и копье мурзавецкое,
И тугой лукъ, и калены стрѣлы.
Садилась она на добра коня,
Поѣхала въ Кіевъ, къ князю ко Владиміру.
Приѣхала къ князю ко Владиміру на широкъ дворъ,
Она копье тупымъ концемъ во сыру землю,
Шелковый поводъ на злаченый гвоздь,
У дверей не спрашиваетъ придверниковъ,
Прямо шла въ гридню столовую,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Бьетъ челою, поклонается,
Князю Владиміру въ особину,

И возговорить Владиміръ князь:

— Здравствуй, удалый добрый молодецъ!

— Ты коей земли, ты коей орды,

— Коего отца, коей матери?

— Какъ тебя молодца именемъ зовутъ,

— Какъ величаютъ по отечеству?—

И возговорить она таковы слова:

„Я есть земли Ляховецкія,

„Молодой царевичъ Василій Микульевичъ,

„А пріѣхалъ къ тебѣ, князю, свататься:

„У тебя есть любимая дочь,

„Молода Забава Владиміровна;

„Ты отдай ю *) за меня зѣмужъ“,

— Хорошо, Василій Микульевичъ,

— Отдамъ я Забаву за тебя зѣмужъ,

— А схожу ко дочери подумати.—

И приходитъ ко дочери любимыя.

Говорить Забава Владиміровна:

„Что у тебя, батюшка, на разумѣ?

„Не выдай дѣвицы за женщину!

„Я видала Василья Микульевича,—

„Не такой онъ царевичъ, не эдакой,—

„А тутъ походка чисто по женскому,

„Рѣчь-поговорье по женскому:

„Она по двору идетъ-будто уточка плыветь,

„А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,

„А на лавицу садится-колѣнца жметъ;

„А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,

„Гдѣ жуковины **) были—и мѣсто знать“.

Говорить Владиміръ князь стольно-Кіевскій:

— Я, дочь, жениха могу вывѣдать:

— Какъ выберу я молодцовъ-борцовъ,

— Сильныхъ могучихъ богатырей,—

— Пусть ка женихъ съ ними поборется.—

*) Т. е. ее.

**) Т. е. кольца, перстни.

Взялъ—выбралъ онъ тридцать борцовъ,
Вывелъ ихъ на широкій дворъ,
А самъ говорилъ такovy слова:

„Ай же ты, Василій Микульевичъ!

„У тебя есть ли охота, горить ли душа

„Со моими со борцами поборотися?“

Говоритъ Василиса такovy слова:

— Да что, солнышко Владиміръ князь,

— Кому у меня боротися?

— У меня дружины не приведено.

— Я съ молоду по улушкѣ бѣгивалъ,

— Съ ребатками шутки пошучивалъ,

— И самъ иду съ борцами боротися.—

Какъ вышла Василиса на широкій дворъ,

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,

А другому борцу ногу выломить,

Она третьягохватила поперекъ хребта,

Ушибла его среди двора.

А плюнулъ князь, да и прочь пошелъ:

„Глупая дочка Забава, неразумная!

„У ты волосы долги, умъ коротокъ:

„Называешь ты богатыря женщиною,

„Такого богатыря у насъ еще не видано!“

Говоритъ Забава Владиміровна:

— Что у тебя батюшка на разумѣ,—

— Отдаешь ты дѣвицу за женщину!

— Знаю я примѣты всѣ по женскому *)).

Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

„И еще жениха могу повывѣдати:

„Заставлю его изъ туга лука стрѣлять

„Со своими могучими богатырями.

„Я поставлю стрѣлочку каленую

„И выберу трехъ стрѣльцовъ-удальцовъ,

„Который стрѣлялъ бы въ самую середочку

„И расколѣлъ бы на четыре частички,

*) Т. е. женскія примѣты, примѣты женскаго пола.

„Чтобы ни меньше, ни больше и вѣсомъ равны“.

Онъ поставилъ стрѣлочку каленую,

А самъ говорилъ таковы слова:

„Ай же ты, Василій Микульевичъ!

„У ты есть ли охота, горить ли душа —

„Со моими стрѣльцами потѣшиться?“

Отвѣчаетъ Василиса Микулишна:

— Да что, солнышко Владиміръ князь,

— Кому у меня тѣшиться?

— У меня дружины не приведено.

— Я съ молодѹ по улушкѣ побѣгиваль,

— Изъ туга лука пострѣливалъ,—

— Иду самъ съ стрѣльцами тѣшиться“.

Начали стрѣлать изъ тугихъ луковъ:

Первый стрѣлилъ—не дострѣлилъ,

Другой стрѣлилъ—перестрѣлилъ,

А третій стрѣлилъ—и въ черту не попалъ.

Она натянула тетиву шелковую,

Накладала стрѣлку каленую,

Стрѣлила въ самую середочку,

Расколола стрѣлку на четыре частицы,

Ни больше, ни меньше и вѣсомъ равны.

Возговорить солнышко Владиміръ князь:

„Ай же ты, Василій Микульевичъ!

„Теперь честнымъ пиркомъ за свадебку!“

Отвѣчаетъ Василиса Микулишна:

— А гдѣ съ нашей земли Ляховецкія

— Проживаетъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ?

— Онъ вѣдь ловекъ боротся въ рукопашную;

— Я потѣшить хочу князя Владиміра,

— Поборотся со Ставромъ Гоудиновичемъ,

— Поборовшись съ нимъ—и за свадебку“.

Говорить солнышко Владиміръ князь;

„Не достать Ставра—разгнѣвить жениха,

„А достать Ставра—не видать Ставра“.

Доставали Ставра, сына Гоудиновича,

Приводили Ставра на широкъ дворъ

Съ Васильемъ царевичемъ боротися.
Среди двора они остановилися,
На борьбу рукопашну сходилися.
Тотъ Василій царевичъ Микульевичъ
Поборолъ Ставра сына Годиновича.
Она *) сдѣнула Ставра съ сирой земли,
Становила Ставра на рѣзвы ноги,
Брала его за рученьки бѣлыя,
За его за перстни за злаченны,
Цѣловала въ уста, во сахарныя,
Называла его любимую семеюшкой,
Семеюшкой, законною державушкой,
Говорила ему такovy слова:
„Ай же ты, Ставръ сынъ Годиновичъ!
„Не учись-ка впередъ женой хвастаться:
„Самъ ты погибнешь и меня сгубишь!
„А какъ ты похвалялся—такъ я и сдѣлала:
„Всѣхъ то князей—бояръ приобманула,
„Самого князя Владиміра съ ума свела:
„Отдавалъ онъ дѣвицу за женщину!“
Тутъ они сѣдѣли на добрыхъ коней,
Побѣхали въ свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да бытъ, да долго здравствовать.

7. Чурило Плѣнковичъ, богатырь-красавецъ и щеголь.

Живеть Чурило пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
А есть и по жемчужинкѣ;
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрyты сѣдымъ бобромъ;
Потолокъ черныхъ соболей;

*) Она, т. е. Васильса Микулишна.

Первыя у него ворота вальщатыя *),
Другія ворота хрустальныя,
Третья ворота оловячныя.
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Волосики—золота дуга-серебряная,
Очи—будто у ясна сокола,
Брови—будто у черна соболя.
Встаеъ Чурило ранехонько,
Умываеъ Плёнковичъ бѣлехонько,
Надѣваеъ сапожки—зеленъ сафьянъ,
Пятки гладки, носки-плоскі,
Кругъ пяты—хоть яйцемъ прокати,
Подъ пату—воробей проскочи.
Онъ добро по городу погуливаеъ:
Передъ нимъ несуть подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица;
Подъ нимъ травка-муравка не топчется
Лазоревый цвѣточекъ не ломится;
Зеленъ кафтанъ не тряхнется.
Идеъ Чурила по городу Кіеву,
Всѣ люди на Чурилу любуются:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодухи глядятъ—лишь оконницы звенять,
А старушки глядятъ—костыли онѣ грызутъ.
Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ;
По той-то порошокъ два слѣдочка лежатъ,
Малымъ то малы, коротѣшеньки.
Стары старики собиралися,
По тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
„Чьи это слѣдки малѣшеньки,
„Малымъ то малы, коротѣшеньки?
„Это молода Чурила, сына Плёнковича“.

*) Т. е. рѣзныя, рѣзной работы.

8. Заѣзжіе богатыри въ Кіевѣ.

А) Дюкъ Степановичъ изъ Волинца, красна Галичья.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ славна Волинца, красна Галичья,
Изъ тоя Корелы богатыя,
Какъ бы ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ удача добрый молодець,
Молодой Дюкъ сынъ Степановичъ,
По прозванью Дюкъ былъ боярскій сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютый звѣрь,
Лютый звѣрь—и буръ, косматъ;
У коня грива по лѣву сторону, до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ;
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что панцырь на немъ чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А тому панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей;
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ:
Потому коню цѣна пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А тетивочка была шелковая,

А бѣлаго шелку шемаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленныхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста *) стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублей;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеємъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьяцемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича
А того орла, птицы камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы—за синимъ моремъ,
Своимъ устьемъ впала въ Сине море;
А леталъ орелъ надъ Синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьяца во Сине море;
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на Синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ;
Покупала Дюкова матушка
Перо, во сто рублей, во тысячу.
Почему стрѣлы дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ухахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевиваво
Аравитскимъ золотомъ;
Вѣдять Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;

*) Т. е. больше трехъ сотъ.

Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ;
Какъ днемъ то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
Свѣчи теплятся воску араго:
Потому онъ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ во городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласковаго князя Владиміра,
Среди двора княженецкаго,
А сскочилъ онъ съ добра коня,
Привязалъ коня къ дубовому столбу,
Къ кольцу булатному,
Походить во GRIDню во свѣтлую,
Ко великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-богара;
Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь стольный Кіевскій
Приказалъ чалывать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степановичу.
Принимаетъ онъ, не чванится,
А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ;
А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Посадилъ его за столъ хлѣба кшатая;
А повара были догадливые,
Носили яства сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупятчаты
Передъ того Дюка Степановича.

А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры,
Откушалъ калачики крупитчаты;
Онъ верхнюю корочку отламываетъ,
А нижнюю корочку прочь откладываетъ.
Молодой Чурило сынъ Плёнковичъ
Оговорилъ онъ Дюка Степановича:
„Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
„Верхнюю корочку отламываешь,
„А нижнюю прочь откладываешь?“
Говорилъ Дюкъ Степановичъ.
— Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
— Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
— Печки у тебя биты-глиняны,
— А подкики кирпичныя,
— А помелечко мочальное
— Въ лохань обмакиваютъ.
— А у меня, Дюка Степановича,
— А у моей сударыни матушки,
— Печи были муравлены,
— А подкики мѣдныя,
— Помелечко шелковое
— Въ сыту медвяную обмакиваютъ;
— Калачикъ съѣшь—больше хочется“.
Втапоры князю Владиміру
Захотѣлось къ Дюку ѣхати,
Зоветь съ собой князей бояръ,
И взялъ Чурило Плёнковича.
И пріѣхали они на пашню къ нему,
Къ тѣмъ крестьянскимъ дворамъ.
А у Дюка Степановича стряпчій былъ,
Припасъ про князя почестный столъ.
И садился ласковый Владиміръ князь
Со своими со князи-бояры
За тѣ столы бѣлодубовыя;
И въ тѣ поры повара были догадливы,
Носили яства сахарныя

И питья медвяныя.

И будетъ день въ половину дня,

И будетъ столъ во полу-столѣ,

Владиміръ князь до сыта наѣдается,

Полпьяна напивается.

Говоритъ онъ тутъ Дюку Степановичу:

„Какое про тебя сказывали,

„Таковъ ты есть“.

Покушавши ласковѣй Владиміръ князь

Велѣлъ домъ его переписывать,

И былъ въ томъ дому сутки четверо.

А и домъ Дюка Степановича переписывали,

Бумаги не стало. То оттеля *) Дюкъ Степановичъ

Повелъ князя Владиміра

Со всѣми гостями и со всѣми людьми

Ко своей сударынѣ матушкѣ,

Честной вдовѣ многоразумныя.

И будутъ они въ высокихъ теремахъ,

И ужасается Владиміръ князь,

Что въ теремахъ хорошо изукрашено.

А втапору честна вдова, Дюкова матушка,

Обѣдъ чинила про князя Владиміра

И про всѣхъ гостей, про всѣхъ людей;

И садился Владиміръ князь

За столы убранные, за яства сахарныя,

Со всѣми гостями, со всѣми людьми.

Втапору повара были догадливы,

Носили яства сахарныя, питья медвяныя.

И будетъ день въ половину дня,

Будетъ столъ во полу-столѣ.

Говоритъ онъ ласковѣй Владиміръ князь:

„Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная,

„Со своимъ сыномъ Дюкомъ Степановичемъ!

„Употчивала меня со всѣми гостями, со всѣми людьми;

„Хотѣлъ бы вашъ и этомъ домъ описывать,

*) Оттуда.

„Да отложилъ всѣ печали *) на радости“.
И втапору честна вдова многоразумная
Дарила князя Владиміра
Своими честными подарками:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ сороковъ бурнастыхъ **) лисиць,
Еще сверхъ того каменья самоцвѣтными.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
;Ай же ты, молодой Дюкъ Степановичъ!
„За твою за великую похвальбу
„Ты торгуй въ нашемъ во градъ во Кіевѣ,
„Во Кіевѣ градъ вѣкъ безъ пошлины“.
То старина, то и дѣянье:
Синему морю на угѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Б) Соловей Будиміровичъ изъ—за моря синяго, изъ города Леденца.

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота—глубота Океанъ море;
Широко раздолье по всей землѣ;
Глубоки омуты Днѣпровскіе!
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ лукоморья зеленого,
Изъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль лучше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля

*) Т. е. заботы, хлопоты.

**) Чернобурыхъ.

Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменью, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибivano
По черному соболю якутскому,
По якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзавецкія,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибivano
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было Соколѣ кораблѣ,
Два медвѣдя были заморскіе;
Носъ, корма—по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ *),
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытмъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ **) молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ;
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси въ, гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые!
„Какъ буду въ городъ Кіевѣ,
„У ласкова князя Владиміра,
„Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
„Чѣмъ свѣта жаловати?“

*) Расписной, пестрый, подобный муравѣ.

**) *Купавъ*—красавецъ.

Отвѣчаютъ гости корабельщии
И всѣ цѣловальники любимые:
— Ты славный, богатый гость,
— Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
— Есть, сударь, у тебя золота казна,
— Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
— Вторые сорокъ бурнастныхъ лисицъ,
— Есть, сударь, дорога камка,
— Что недорого камочка—узоръ хитерь:
— Хитрости были Царя-града,
— А и мудрости Іерусалима,
— Замысли Соловья Будиміровича;
— На златъ, на серебръ—не погнѣваться.—
Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
Явори металы въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможи платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастныхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Какъ бы на пятау дери отворялися *),—
Идетъ въ гридню купавъ молодець,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣвнѣ на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастныхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Недорога камочка—узоръ хитерь:

*) Отворялися настезь.

Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси ты, богатый гость,
„Соловей, сынъ Будиміровичъ!
„Займуй двory княженецкіе,
„Займуй ты боярскіе,
„Займуй двory и дворянскіе“.

Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:

— Не надо мнѣ двory княженецкіе,
— И не надо двory боярскіе,
— И не надо двory дворянскіе;
— Только ты дай мнѣ загонъ земли,
— Непаханья и неоранья,
— У своей, осударь, княженецкой племянницы,
— У молодой Запавы Путятишны,
— Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
— Въ вишенѣхъ, въ орѣшенѣхъ,
— Постройте мнѣ Соловью снаряженъ дворъ.—

Говорилъ сударь, ласковый Владиміръ князь:

„На то тебѣ съ княгинею подумаю“.
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханья и неоранья.

Походилъ Соловей на свой червленъ *) корабль,

Говорилъ Соловей сынъ Будиміровичъ:

— Гой еси вы, мои люди работные!
— Берите вы топорики булатные,
— Подите къ Запавѣ въ зеленый садъ,
— Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,
— Въ вишенѣхъ, въ орѣшенѣхъ.—

*) Червленый—красный, багряный, пурпуровый. Червленъ, черлень—
красноватая охра, которою красятъ заборы и крыши.

Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
Работала егò дружина хоробрая;
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косячатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна-то Завава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косячатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой, вѣдь, хорошій, во зеленый садъ;
Чудо Зававъ показалось
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Завава Путятишна:
„Гой еси, нянюшки и мамушки,
„Красныя сѣнныя дѣвушки!
„Подте-ка, посмотрите-ка,
„Что мнѣ за чудо показалось
„Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ“?
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
— Матушка, Завава Путятишна!
— Изволь-во сама посмотрѣть:
— Счастье твое на дворъ въ тебѣ пришло.—
Скоро-де Завава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговики въ семь тысячей,—
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,

Во свой во хорошъ во зеленый садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчить, молчить *)—
Лежить Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творять,—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьаго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Завава въ сѣни косящатня,
Отворяла двери на пату,—
Больно Завава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяць,—въ теремѣ мѣсяць;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря,—въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,—
Бросилъ свои звончаты гусли **);
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки:
„Чего, де, ты, Завава, испугалася?
„Мы де, оба на возрастѣ“.
— А и я, де, дѣвица на выданѣ,
— Пришла, де, сама за тебя свататься.—
Тутъ они и помолвили:
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.
Тутъ то Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Просваталъ ю, красную дѣвушку,

*) Все тихо, молчить, только золото пересыпается—щелкаетъ, *щелчить*.

***) Потому онъ и *Соловей*, что пѣвнаетъ всѣхъ своими пѣснями; потому и *Вудиміровичъ*, что будить міръ своими гуслими.

Свою-то любимую племянницу,
И шли они въ церковь Божію,
Принимали они златы вѣнцы.
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро онъ собирался на корабль
Съ своими припасами великими
Со своими теремами златоверхими;
Садился онъ на Соколъ корабль,
Садилась съ нимъ и молода жена.
Отправился онъ назадъ въ свою сторону,
Уѣхалъ-уѣзжалъ онъ добрый молодець;
Сталъ тамъ жить да быть, семью сводить,
Семью сводить, дѣтей наживать.

III.

СЪ КАКИХЪ ПОРЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

Выѣзжали на Сафать-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на этомъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ краковистый *).
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову-городу;
А вторая-то дорога къ стольному Киеву;
А что третья дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатерьъ,
Отпускали коней гулять по чисту полю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,

*) *Краковистый*—суковатый, съ корявымъ пнемъ.

Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи,
Названные братья опочивъ держать.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафать-рѣкой
Бѣль-полотнянъ патерь:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ Татарченкоу,
Злой Татаринъ, басурманченкоу,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня;
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельцо черкасское,
Бралъ копейце мурзавецкое,
Бралъ кинжалище булатное,
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечеть по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечеть по сѣнной копнѣ.
Подѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ка, Татарченкоу,
Злой Татаринъ, басурманченкоу!
Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.
Втапору выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися, сходилися два удалне витязя.
Ломалися копыя ихъ острия,
Разлеталися мечи ихъ булатные;

Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю;
Скакаль ему Татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоять борзый конь осѣдланый и взнузданный,
Стоять борзый конь, только невесель,
Потушилъ очи во сыру землю, —
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру, —
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ;
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,

На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричать Алеша зычнымъ голосомъ:
„Вылѣзай-ка ты, Татаринъ злой,
„На честной бой, на побраночку!“ *)
Отвѣчаетъ ему Татарченкоуъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
— Ваши роды не уклончивы, **)
— Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
— Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались на пиръ идучи,
„А хвались съ пиру идучи!“
Втапору выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слетались,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слетались два удалые витязя;
Ломались копьа ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ буматные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одогълъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скавалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Внимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ ни взялся черный вранъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Ты послушай меня черного ворона:
„Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей;
„А слетаю я за сине море,
„Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
„Вспрыснешь Добрыню живой водой,—

*) На короткѣй бой, на шибку.

**) Т. е. богатыри вашего разбора, подобные тебѣ, не ловки и не стойки

„Тутъ и очнется добрый молодецъ“.
Втапоры Алеша ворона послушался.
И леталъ вранъ на сине море,
„Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой:
Сросталось тѣло его бѣлое,
Затягались раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой:
Пробуждается молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они Татарина.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водою,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ—черезъ Сафать-рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому воюку не обрыскати,
Черному ворону ни облетѣти.
И кричитъ Илья значнымъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, мовучіе витязи,
„Удалые братья названные!“
Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
Какъ садились на добрыхъ коней,
Какъ бросались на силу басурманскую:
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубать,
Сколько добрые кони ихъ топчуть;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахались наши могутныя плечи,
„Не уходились наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатныя!“

И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу *нездѣшную*, —
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать!
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на сиду всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,

Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжить витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣть;
Какъ подбѣжить другой,
Такъ и окаменѣть;
Какъ подбѣжить третій,
Такъ и окаменѣть.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси.

IV.

БОГАТЫРИ НОВГОРОДСКІЕ.

1. Садко купецъ, богатый гость.

А) Откуда у Садко — гуслира взялось богатство.

Во славноемъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусли яровчаты *);
По играмъ ходилъ-игралъ Садко.
Садка день не зовуть на почестень пирь,
Другой не зовуть на почестень пирь,
И третій не зовуть на почестень пирь;
Потомъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень .
И началъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перѣпался **),
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовуть на почестень пирь,

*) *Яровчаты* — *яворчаты*, изъ дерева *явора*. Яворъ, чинаръ, платанъ, — красивое дерево, съ гладкою корою, постоянно опадающею, съ большими листьями.

**) Испугался.

Другой не зовуть на почестень пирь,
И третій не зовуть на почестень пирь.
Потомъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говоритъ такovy слова:
„Ай же ты, Садко Новгородскій!
„Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
„За твои за утѣхи за великія,
„За твою-то игру нѣжную:
„Аль безсчетной золотой казной?
„А не то ступай во Новгородъ,
„И ударь о великъ закладъ,
„Заложи свою буйну голову,
„И выпряжай съ прочихъ купцовъ
„Лавки товара краснаго,
„И спорь, что въ Ильмень озерѣ
„Есть рыба—золоты перья.
„Какъ ударишь о великъ закладъ,
„И поди—связаи шелковый неводъ,
„И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
„Дамъ три рыбины—золоты перья.
„Тогда ты, Садко, счастливъ будешь“.
Пошелъ Садко отъ Ильмень отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ;
Позвали Садко на почестень пирь.
Какъ тутъ Садко Новгородскій
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко напавать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
„Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:

„А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорять ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда чуднаго,
— Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыба золоты перья.—
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
„О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ка о великъ закладъ:
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго“.
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Завинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по понебесному:
На небѣ солнце,—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяць,—и въ палатахъ мѣсяць;
На небѣ звѣзды,—и въ палатахъ звѣзды.

Б) На Садко—купецъ богатъ, побогаче его славный Новгородъ.

Созывалъ Садко купецъ, богатый гость,
Созывалъ въ себѣ на почестенъ пиръ
Тныхъ мужиковъ Новгородскихъ
И тныхъ настоятелей Новгородскихъ:
Оому Назарьева и Луку Зиновьева.

Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Одинъ хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой—удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодецествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

Говорятъ настоятели Новгородскіе:

„Всѣ мы на пиру наѣдалися,
„Всѣ мы на почестномъ напивалися,
„Похвальбами всѣ похвалялися.
„Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
„Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

— А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
— Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятся?
— У меня ль золота казна не тощится,
— Цвѣтно платьице не носится,
— Дружина хоробра не измѣняется.
— А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
— На свою безсчетну золоту казну
— Повыкуплю товары Новгородскіе,
— Худые товары и добрые! —

Не успѣлъ онъ слово вымолвить,
Какъ настоятели Новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ выкупить Садку товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ не было.
Вставалъ Садко на другой день раннимъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,

Безъ счета давалъ золотой казны
И посылалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостинный рядъ,
Какъ повыкупили товары Новгородскіе
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день вставалъ Садко раннѣмъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И посылалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ привавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На ту на славу на великую Новгородскую.
Опять выкупалъ товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день вставалъ Садко раннѣмъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И посылалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ привавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе,
На ту на великую на славу Новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Еще повыкуплю товары Московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій —
„Побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новгородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

В) Садко у царя морскаго.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей червленнихъ;
На тѣ корабли на червленне
Свалилъ онъ товары Новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ навадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись червлены корабли на синемъ морѣ:
А волной то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаеть кораблики червленне;
А корабли нейдуть съ мѣста на синемъ морѣ.
Говорить Садко вупецъ, богатый гость,
Ко своей дружинѣ ко хороброй:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
„А морскому царю дани не плачивали:
„Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во сине море.
„Ай же братцы, дружина хоробрая!
„Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
„Спускайте бочку во сине море“.
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море;
А волной то бьетъ, паруса рветъ,

Ломаеть кораблики червленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море;
А волной то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаеть кораблики червленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста во синемъ морѣ.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Видно, царь морской требуетъ
„Живой головы во сине море.
„Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны, *)
„Я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ,
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спускайте жеребья на сине море:
„Чей жеребій во дну пойдетъ,
„Таковому идти во сине море“.
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрны
Жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
А у Садеа купца — ключемъ на дно.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Эти ли жеребья не правильны:
„Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
„А я сдѣлаю жеребій вольжаный“.
Дѣлали жеребья на красномъ золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребій вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрны
Жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,

*) Изъ дерева *тавоми*.

А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Видно царь морской требуетъ
„Самого Садка богатаго въ синем море.
„Несите мою чернилицу вальяхную, *)
„Перо лебединое, листъ бумаги гербовый“.
Несли ему чернилицу вальяхную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣннице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей брати,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружинѣ хороброй.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
„Поиграть то мнѣ въ остатнее **):
„Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.
„Али взять мнѣ гусли съ собой въ синем море?“
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую,
„Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ“.
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черныя вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великия
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой,
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,

*) Красивую, а также крѣпкую, прочную, массивную.

***) Т. е. въ послѣдній разъ.

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидѣлъ Садко: во синемъ морѣ

Стоить палата бѣлокаменная,

Заходить Садко въ палату бѣлокаменную:

Сидить въ палатѣ царь морской,

Голова у царя какъ куча сѣнная.

Говорить царь таковы слова:

— Ай же ты, Садко—купецъ, богатый гость!

— Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,

— Мнѣ царю дани не плачивалъ,

— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.

— Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яровчаты:

• — Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты. —

Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,

Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,

Какъ расплясался царь морской.

Игралъ Садко сутки, игралъ и другія,

Да игралъ еще Садко и третіи,

А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.

Во синемъ морѣ вода всколыбалася,

Со желтымъ пескомъ вода смутилася,

Стало разбивать много кораблей во синемъ морѣ,

Стало много гинуть имѣнницевъ;

Стало много тонуть людей праведныхъ:

Какъ сталъ народъ молиться Николѣ-Можайскому,

Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:

— Ай же ты, Садко Новгородскій!

— Полно играть въ гусельки яровчаты! —

Обернулся — глядитъ Садко Новгородскій:

Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.

Говорилъ Садко Новгородскій:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ,

„Приказано играть въ гусельки яровчаты“.

Говорить старикъ таковы слова:

— А ты струночки повыривай,

— А ты шпенечки повыломай.

— Скажи: „у меня струночекъ не случилось,

- „А шпенечковъ не пригодилось,
— „Не во что больше играть:
— „Приломалися гусельки яровчаты“.
— Скажетъ тебѣ царь морской:
— „Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— „На душечкѣ на красной дѣвушкѣ?“
— Говори ему таковы слова:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ“.
— Опять скажетъ царь морской.
— „Ну Садко, вставай поутру ранешенько,
— „Выбирай себѣ дѣвицу красавицу“.
— Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
— Такъ перво триста дѣвиць пропусти,
— И друго триста дѣвиць пропусти,
— И третье триста дѣвиць пропусти:
— Позади идетъ дѣвица красавица,
— Красавица дѣвица Черनावушка, —
— Бери тую Чернаву за себя замужъ.
— Сотворишь все, какъ сказано,
— Будешь, Садко, во Новѣ-градѣ;
— А какъ будешь, Садко, во Новѣ-градѣ,
— На свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Николѣ-Можайскому. —
Садко струночки во гуселькахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повылломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
— Чтоже не играешь въ гусельки яровчаты? —
„У меня струночки во гуселькахъ выдернулись,
„А шпенечки во яровчатыхъ повылломались:
„А струночекъ запасныхъ не случилось,
„А шпенечковъ не пригодилось“.
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— На душечкѣ на красной дѣвушкѣ? —
Говоритъ ему Садко Новгородскій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.

Опять говорить царь морской:
— Ну, Садко, вставай по утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу. —
Вставалъ Садко по утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвухекъ красныхъ:
Онъ перво триста дѣвиць пропустилъ,
И друго триста дѣвиць пропустилъ,
И третье триста дѣвиць пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ ложился спать Садко,
А проснулся Садко во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжать
Свои червленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминаетъ одного Садка:
„Остался Садко во синемъ морѣ!“
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинишку со Волхова.
Туть его ли дружина сдивовалася:
„Остался Садко во синемъ морѣ,
„Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,
„Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повель въ палаты бѣлокаменны.
Туть его жена возрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя.
Началъ Садко выгружать со червленыхъ со кораблей
Имѣннице — безсчегну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со червленыхъ кораблей,
Состроилъ церковь соборную
Николѣ Можайскому;

Не сталь больше ѣздить
Садко въ сине море,
Сталь поживать Садко въ Новѣ-городѣ.

2. Новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ.

Жилъ Буславьюшка — не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Осталось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожное,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ.
Сталь Васинька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ—нога прочь;
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики *) Новгородскіе:
„Ай же ты, Василій Буслаевичъ!
„Тебѣ съ этой удачей молодецкою
„Наквасити рѣка будетъ Волхова“.
Идетъ Василій въ широкія улочки,
Невеселъ домой идетъ, нерадошень,
И встрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо рожное,
— Молодой Василій Буслаевичъ!
— Что идешь не веселъ, не радошень?
— Кто тебя на улукѣхъ приобидѣлъ?
„А никто меня на улукѣхъ не обидѣлъ.
„Я кого возьму за руку—рука прочь,

*) Мужь, горожане.

„За ногу кого возьму—нога прочь,
„А котораго ударю по горбу,
„Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
„А говорили мужики Новгородскіе,
„Что мнѣ съ этою удачей молодецкою
„Наквасити рѣка будетъ Волхова“.
И говорить мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
— Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую,
— Чтобъ никто тебя въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.
И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра,
Становилъ чашу среди двора
И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
„Кто эту чашу приметъ одной рукой
„И выпьетъ эту чашу за единый духъ,
„Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!“
И садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые ярлыки;
Въ ярлыкахъ Васинька прописывалъ:
„Зоветь—жалуетъ Василій на почестенъ пиръ“—
Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
И пошли мужики Новгородскіе
Изъ тоя изъ церкви изъ соборныя,
Стали стрѣлочки похаживать,
Господа стали стрѣлочки просматривать:
„Зоветь—жалуетъ Василій на почестенъ пиръ“.
И собиралися мужики Новгородскіе увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
„Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
„Мы теперь стали на твоємъ дворѣ,
„Всю мы у тя ѣству выѣдимъ,
„И всѣ напитокки у тя выпьемъ:

„Цвѣтно платьице повыносимъ,
„Красно золото повытащимъ“.
Эти ли рѣчи ему не слюбилися.
Высочилъ Василій на широкій дворъ,
Хватилъ-то Василій червленый вязъ,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куда махнетъ—туда улочка,
Перемахнетъ—переулочекъ,—
И лежать-то мужики увалами,
Набило мужиковъ какъ погоду,
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало *) тотъ идетъ, мало новѣй **) идетъ
Ко Васильюшеѣ на широкій дворъ.
Идетъ-то Костя Новоторжанинъ
Ко той ко чарѣ зелена вина,
И бралъ-то чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ высочилъ Василій со новыхъ сѣней,
Хватилъ то Василій червленый вязъ,
Какъ ударилъ Костю-то по горбу,—
Стоитъ Костя—не крянется, ***)
На буйной головѣ кудри не ворохнутся.
„Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
„Будь моя дружина хоробая,
„Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
Мало тотъ идетъ, мало новѣй идетъ,
Идетъ-то Потанюшка хроменькій
Ко Василью на широкій дворъ,
Ко той ко чарѣ зелена вина,
Бралъ тое чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ высочилъ Василій со новыхъ сѣней,
Хватилъ то Василій червленый вязъ,

*) Мало—вскорѣ.

**) Новѣй—другой.

***) Не тронется.

Ударилъ Потанюшку по хромымъ ногамъ:
Стоить Потанюшка—не врянется,
На буйной головѣ—кудри не ворохнутся.
„Ай же, Потанюшка хроменькій!
„Будь моя дружина хоробрая,
„Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
Мало тотъ идетъ, мало новѣй идетъ,
Идетъ-то Хомушка горбатенькій
Ко той во чарѣ зелена вина,
Бралъ-то чару одной рукой,
И выпилъ чару за единый духъ.
Того и бить не шель со новыхъ сѣней:
„Ступай-ка въ палаты бѣлокаменны
„Пить намъ напитки сладкіе,
„Ѣства-то ѣсть сахарныя,
„А бояться намъ въ Новѣ-градѣ некого!“
И прибралъ Василій три дружины въ Новѣ-градѣ.
И завелся у князя Новгородскаго почестень пирь
На многихъ князей на бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей,
А молода Василья не почествовали.
Говорить онъ матушкѣ таковы слова:
„Ай же ты, государыня матушка,
„Честна вдова Авдотья Васильевна!
„Я пойду къ князьямъ на почестень пирь“.
Возговорить Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо роженое!
— Званому гостю мѣсто есть,
— А незваному гостю мѣста нѣтъ.—
Онъ Василій матушки не слушался,
А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестень пирь.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шель въ гридню столовую:
Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,

А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголъ *)
И тронулся на лавочку къ пестно-углу; *)
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно-углу,—
И тронулся на лавочку къ верхо-углу, *)
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой,—
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Дорогіе гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжались.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своею дружиною хороброю.
Опять на пиръ собиралися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру перехвасталися.
Возговорить Василій Буслаевичъ:
— А нечѣмъ мнѣ-ка, Василью, похвастати:
— Я остался отъ батюшки малѣшенекъ,
— Малѣшенекъ остался зелѣнешенекъ.
— Развѣ тѣмъ мнѣ, Василью, похвастати:
— Ударить съ вами о великѣ закладъ
— О буйной головѣ на весь на Новгородъ,
— Окромѣ трехъ монастырей—
— Спаса Преображенія,
— Матушки Пресвятой Богородицы,
— Да еще монастыря Смоленскаго.
Ударили они о великѣ закладъ
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
„Идти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ;
„Хоть свалятъ Василья до мосту,

*) *Большой-уголъ* или *большо-уголъ*—гдѣ поставлены иконы; *верхо-уголъ* ближе къ дверямъ; *пестно-уголъ* или *пестный-уголъ*—противъ устья печки.

„Вести на казень на смертную,
„Отрубить ему буйну голову;
„Хоть свалить Василья посередь моста,
„Вести на казень на смертную,
„Отрубить ему буйну голову;
„А ужь какъ пройдетъ третью заставу.
„Тожно больше дѣлать нечего“.
И пошелъ Василій со пира домой,
Не весель идетъ домой, не радошень.
И встрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты мое чадо милое,
— Милое чадо рожиное!
— Что идешь не весель, не радошень?—
Говорить Васильюшка Буслаевичъ:
„Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ
„Идти съ утра на Волховъ мость:
„Хоть свалить меня до моста,
„Хоть свалить меня у моста,
„Хоть свалить меня посередь моста,
„Вести меня на казень на смертную,
„Отрубить мнѣ буйну голову.
„А ужь какъ пройду третью заставу,
„Тожно больше дѣлать нечего“.
Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ кѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тѣмъ ли вязомъ червленнымъ.
И насыпала чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ даровья *) князю Новгородскому,
Чтобъ простилъ сына любимаго.
Говорить князь Новгородскій:
„Тожно прощу, когда голову срублю!“

*) Въ даръ, подарокъ.

Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закружилась пошла, запечалилась,
Разсыяла красно золото, и чисто серебро,
И скатень жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:
— Не дорого мнѣ золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ,
— А дорога мнѣ буйная головушка
— Своего сына любимаго,
— Молода Васильюшка Буслаева.—
И спитъ Василій не пробудится,
Какъ собирались мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
Съ тѣми шалыгами подорожными,
Кричатъ они во всю голову:
„Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мость,
Рушай-ка завѣты великіе“!
И высочилъ Хомушка горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы цѣло сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ онъ силы до пяти сотъ.
На смѣну высочилъ Потанюшка хроменькій
И высочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильева портомойница,
Платьца на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помакивать,
Убито силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти сотъ.
И прискочила бо клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
— Ты спишь, Василій, не пробудишься,
— А твоя-то дружина хоробрая
— Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ.—
Со сна Василій пробуждается,

А самъ говорить таковы слова:

„Ай же ты, моя любезная служаночка!

„Отопри-ка двери желѣзныя“.

Хваталь Василій свой червленый вязъ

И пришель ко мосту ко Волховскому,

Самъ говорить таковы слова:

„Ай же, любезная моя дружина хоробрая!

„Подитко теперь опочивъ держать;

„А я стану теперь съ ребятами поигрывать“.

И зачалъ Василій по мосту похаживать,

И зачалъ онъ вязомъ помахивать:

Куда махнетъ—туда улица,

Перемахнетъ—переулочекъ.

И лежать-то мужики увалами,

Увалами лежать, перевалами,

Набило мужиковъ какъ погодою.

И встрѣчу идетъ крестовый братъ,

Во рукахъ несетъ шалыгу девяноста пудъ,

А самъ говорить таковы слова:

— Ай же мой, крестовый брателко,

— Молодой глуздырь, *) не попархивай,

— На своего крестоваго брата не насакаивай

— Помнишь, какъ учились мы съ тобой грамотѣ:

— Я надъ тобою былъ въ тѣ поры большой братъ,

— И нынь-то я надъ тобой буду большой братъ.—

Говорить Василій таковы слова:

„Ай же ты, мой крестовый брателко!

„Тебя ли чертъ несетъ на встрѣчу мнѣ?

„А у насъ то вѣдь дѣло дѣется:

„Головами, братецъ, играемся“.

И ладить крестовый брателко

Шалыгой хватить Василья въ буйну голову,

Василій хватилъ шалыгу правой рукой,

И билъ-то брателка лѣвой рукой,

И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:

*) Глуздырь—пленецъ.

Давно у брата и души нѣтъ.
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгою,
И на встрѣчу Васильюшку Буслаеву
Идетъ крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
На буйной головѣ колоколь пудовъ во тысячу;
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.
Говорить Старичище Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой глуздырь, не попархивай,
На своего крестоваго батюшка не насакивай!—
И возговорить Василій Буслаевичъ:
„Ай же ты, мой крестовый батюшка!
„Тебя ли чертъ несетъ во той поры
„На своего любимаго крестничка?
„А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется,
„Головами, батюшка, играемся“.
И сдннулъ шалыгу въ девяносто пудъ,
Какъ хлынулъ своего батюшку въ буйну голову,
Такъ рассыпался колоколь на ножевыя черепья:
Стоить крестный—не крянется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснулъ-то крестнаго батюшку
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясны, какъ пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на дома на каменные,
И вышла мать пресвятая Богородица
Съ того монастыря Смоленскаго:
„Ай же ты, Авдотья Васильевна!
„Закличь своего чада милаго,
„Милаго чада розонаго,
„Молода Васильюшка Буслаева:
„Хоть бы оставилъ народу на сѣмена“.
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
Закликала своего чада милаго.

Въ редакціи можно получать также:

Учебникъ ариѳметики. *В. Латышева* (въ объемѣ курса младшихъ классовъ гимназій). Ц. 35 к. 1884 г. 2-е изданіе.

Физиологію *Фостера* (отдѣльн. изданіе). Ц. 60 к. 1882 г. Одобрена Учен. Комит. М. Н. Пр.

Сборникъ работъ народныхъ учителей. Ц. 60 к. 1882 г.

«Руководство къ преподаванію ариѳметики» *В. Латышева*. (Часть 1 и 2). Ц. 65 к.

Объяснительный курсъ ариѳметики *В. Латышева*. Часть I. Ц. 40 к.

Краткіе очерки по естествознанію въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Народнаго учителя *Чаплыгина*. 1884 г. Ц. 25 к.

Народныя былины. Чтеніе для народа и народныхъ школъ, съ объяснительнымъ словомъ *Н. Бунакова*. Ц. 40 к.

На 1885 объявляется *третій конкурсъ* на составленіе чтеній для народа. Работы должны быть доставлены не позже 1-го августа 1885 г. Выборъ темы предоставляется сдѣлать самимъ авторамъ. Объемъ чтенія долженъ быть около 1 листа печати. Кромѣ небольшого вознагражденія за статью, редакція принимаетъ на себя хлопоты объ отдѣльномъ изданіи (второе и послѣдующія изданія, если будутъ нужны, конечно, будутъ составлять собственность авторовъ) принятаго чтенія и представленіе его на разсмотрѣніе въ Ученый Комит. Мин. Нар. Пр. Напечатано будетъ одно или два лучшихъ чтенія. Отвѣты авторамъ чтеній рассылаются въ концѣ сентября.

Принимаются пожертвованія въ «Капиталь Тургенева».

Редакція проситъ Земскія Управы и Училищные Совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

ВЪ 1885 ГОДУ (ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

будеть издаваться по прежней программѣ, а также при постоянномъ участіи

НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Обязательный объемъ остается *прежній*: не менѣе 25 листовъ въ годъ (въ предъидущіе годы давалось 40 — 50 листовъ, т. е. болѣе обязательнаго объема). Лѣтнія книжки выходятъ по двѣ вмѣстѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Беренштамъ, Н. Бунаковъ, Галлеръ, Гербачъ, Глинка, Дебольскій, В. Воскресенскій, Латышевъ, Св. Мих. Соколовъ, Сентъ-Илеръ, Тубенталь, Н. Фанъ-деръ-Флитъ и др.* Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборы новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла. Ежегодный конкурсъ на составленіе чтеній для народа.

Подписка принимается въ редакціи (Спб., Малая Мастерская, д. 10, кв. 5) и въ магазинахъ *Фену и К^о* (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 42) и *П. Смирнова* (Спб., Большая Садовая, д. № 12).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

3 р. — к. съ пересылкой *m*

2 „ 50 „ безъ доставки.

Есть въ небольшомъ количествѣ экземпляры за прежніе годы.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.